

Итак, мой роман
начался с девятой
жизни — чтобы быстро
устремиться к своим
истокам, к началу
начал. Так надо. Страница 4

Анатолий Николаевич Андреев

Девять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459545

Минск; 2012

Аннотация

«Девять» – одиннадцатый роман Анатолия Андреева.

Отличительной особенностью романа, который имеет подзаголовок «Утопический роман об антиутопии», является его необычная структура. Отражая принцип «все связано со всем», роман становится моделью сознания, моделью ДНК, моделью Вселенной, наконец. Смыслы романа могут прочитываться совершенно по-разному – в зависимости от контекста, который выстроит читатель.

«Девять» – представляет собой роман-исследование духовных возможностей человека. Главные действующие лица – разум личности, противостоящий развитому интеллекту. Может ли человек, победить самого себя? Может ли человек не воевать с самим собой? Вот в чем вопросы.

Психологизм, стихия интеллектуальной игры, фантазмагория, мистика в сочетании с жесточайшим реализмом, сюжетная многомерность создают особый поэтический сплав, что делает роман «Девять» совершенно уникальным в творчестве Андреева.

Содержание

Попытка Начала	4
9	8
1	22
2	35
3	44
4	49
5	53
6	63
7	73
8	76
9	83
1	93
2	99
3	106
4	111
5	114
6	121
7	126
8	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Анатолий Андреев

Девять

Утопический роман

об антиутопии

Посвящение:

Им, им!

Предостережение:

*Этот роман более реалистичен, чем кажется
на первый взгляд.*

Пророчество

Кто знает, как оно будет...

Попытка Начала

1. Марсик был отчаянным котом.

Марсик падал с девятого этажа, побывал в пасти у туркменского волкодава, тонул, попал с Веней в аварию, его украли (увезли километров за сто, а он сумел вернуться), попался Вене под горячую руку (Веня не любит об этом вспоминать, ох, не любит), отравился свежей рыбой с Байкала. Семь. Что-

то я упустил. Ах, да, его же несли топить, а я выпросил у прагматичного соседа живой комочек, попискивающий, как полая резиновая игрушка со свистком, и потом подарил Вене. Восемь.

Теперь он жил девятую жизнь.

2. Был у меня друг. Придурок редкостный. Звали его, впрочем, Филиппом.

Как-то раз пришел он к Васе Сахару.

3. У Алисы были рыжие глаза. Верите? Неправдоподобно? Ладно, вру. Зеленые – больше устраивает?

На самом деле глаза были черт-знает-какие, практически – русые. Понимаю, что все на свете должно быть определено, в том числе цвет глаз, но что поделаешь, если реальность срамит наши ожидания. Тем хуже для реальности?

4. Что я помню до того, как появился на свет белый?

Как ни парадоксально – ничего. Даже темноты – хоть глаз выколи – не помню, хотя она, несомненно, была, как же без нее там.

5. А где же в это время была моя гордость?

При мне. Как и моя слабость...

Вот со слабости все и началось.

6. За что бы я поставил памятник себе?

А ни за что. Просто так. Пусть стоит. Назло Алисе.

7. Потому что мне не понравилась его улыбка. Не понравилась – и все тут. Гадкая. До ушей. Больших. Наполовину закрытых волосами. Грязными. Которые он то и дело взрыхлял тонкими пальцами. С траурной каймой под ногтями. Тьфу три раза – не моя зараза...

8. Осень. Вечер. Прохладно.

На глазах созревает полная луна. Она в дымке – то ли прячется от любопытных взоров (которые сама же и притягивает), принимая очертания светлого облака, то ли кокетничает, размашисто прикрываясь белой газовой косыночкой.

Так или иначе, полная луна становится символом муторной мути, царящей в жизни вообще и на душе отдельно взятого меня.

Я забраковал все восемь вышеприведенных зачинов, каждый из которых щукой или раком, а то и вовсе лебедем белым тянул повествование в свою сторону. Остановился на девятом – том самом, который мне лично нравился меньше всего.

9. Прошло девять лет с того дивного дня девятого сентября одна тысяча девятьсот девяносто девятого года, когда бу-

дущее, казалось, не умещалось и в девяносто девять лет – настолько оно было обширным, без горизонта впереди, без облачка.

И вот прошло всего девять лет, в которые, казалось, уложилась целая жизнь, такая запутанная и противоречивая.

Нет, была в нем, в девятом, конечно, ложная традиционность. Было «нечто» с изюмом. Было. Зацепиться можно.

Однако мне не нравилось. Отчего же я начал с варианта № 9?

Назло себе. Вы ждали другого ответа? Менее банального? Или он, напротив, не устраивает вас своей оригинальностью?

На вас не угодишь. На вас на всех не угодишь.

Это мой мир, здесь все устроено по моим законам, которые, я так думаю, отражают законы космоса. Лабиринты скроены по моим, сиречь космическим, меркам и лекалам. По меркам ДК.

Итак, мой роман начался с девятой жизни – чтобы быстро устремиться к своим истокам, к началу начал. Так надо.

Впрочем, приступим.

9

9.1.

Прошло 9 лет с того дивного дня 9 сентября 1999 года, когда будущее, казалось, не умещалось и в 99 лет – настолько оно было обширным, без горизонта впереди, без облачка.

И вот прошло всего девять лет, в которые, казалось, уложилась целая жизнь, такая запутанная и противоречивая.

Если начинать по порядку, придется стартовать ab ovo. От маковой росинки.

Для начала я бы задался риторическим вопросом: какой город сравнится с Минском?

Рим сравнится. Пожалуй, Осло. А также еще пара-тройка сотен градусов всех частей света, абсолютно всех континентов, включая оба земных полушария.

Неужели Минск так плох и настолько типичен?

Что вы. Уймитесь. Хорош, чертовски привлекателен, и даже харизматичен – своим не определившимся характером. От него можно ожидать от «всего» – до «ничего», как от любого молодого честолюбивого организма. У него сразу девять жизней, и все протекают параллельно. Девятое чудо света.

Минск очень удобен для того, чтобы начать рассказ о молодом человеке. Молодость (возраст от двадцати семи до сорока пяти лет включительно) – это тоже девятое, даже дважды, а то и трижды, девятое чудо света; у нее сразу девять жизней, и все протекают параллельно. (Тут, правда, возникает проблема остальных восьми чудес света. А если пока что, временно, в этот момент наплевать на остальные? Плохо, согласен. Легкомысленно. Чудеса есть, а мы делаем вид, что их нет. Хорошо, будем возвращаться к вышеозначенным чудесам поочередно, на протяжении всего романа.)

В одну из жизней нашего города мы, пожалуй, слегка пожуем.

Смотрим на календарь. Цифры расплываются. Еще раз вглядываемся – прилагая некоторые усилия. Девятое марта. 9. Кто бы сомневался.

Проблема в том, что вчера было восьмое марта. 1990 года. 8 Марта. Два сообщающихся кольца, сплетающихся в символ бесконечности, подозрительно напоминающий совершенную петлю, своей безысходностью способной впечатлить оптимиста любого калибра. Только длинной-длинной змее-анаконде дано изобразить восьмерку. Или клубку змей. 8. Международный женский день, напомним себе, придурку, который решил превратить его в день памяти мужчины. Так сказать, решил справить поминки по себе, ужасному.

Судя по всему, вечер, к сожалению, удался.

На этом вечере я встретил Алису, которую не видел года четыре («Три с половиной года», – уточнила она). И дико влюбился, как потом выяснилось.

С Алисой была Венера, с Венерой – некто Веня. Неизвестно было, кто он такой, но его хотелось называть просто «человек в штатском». То ли выправка его военно-спортивная (плотный ежик на голове, властный взгляд) не гармонировала с гражданским платьем, то ли было оно чересчур модным и экстравагантным, то ли не умел он его еще носить, чувствовал себя в нем скованно, в том числе и потому, что давила на него необходимость одеваться именно так, по статусу, – так или иначе все обращали внимание на его вызывающе дорогой костюм, сидевший на нем хорошо и ладненько, но как на породистой корове великолепное седло. Сложно было представить его развязно и расслабленно танцующим (набитые тугие мышцы, как в комиксах, делали его персонажем техно мультика) – так он и не танцевал. Стоял и попивал...

– Что вы пьете? – спросил я из чистого любопытства.

– Водку, – ответил он нехотя глухим баритоном.

– А закусь?

– Я не закусываю. И не запиваю.

– Круто, – сказал я.

– Мне по х..., – ответил он.

– Круто, – сказал я.

– А ты, видно, интеллигент?

– Вроде того.

– И что пьешь?

– Водку. Только я ее запиваю соком. Или минералкой. В общем, чем придется.

– Тьфу, – сделал он прямо перед собой. И замолчал.

– Ты с Венерой? – спросил я.

– Я с какой-то телкой. Вот вы...бу ее – спрошу как зовут. Это мой принцип. Еще вопросы есть?

– Да я и не задавал вопросов. Так, пытался пообщаться.

– Зачем?

– Не знаю. Я себе такой вопрос не задавал. А зачем люди общаются?

– А они не общаются. У них одно бабло на уме. Одни бабла просят. Другие молча зарабатывают, то есть, отбирают у тех, кто просит. Кто на что учился.

– И все?

– И все. А разве есть еще мотивы для общения?

– Упс, – сказал я. – Пожалуй, я выпью. И непременно запью.

Вот этот диалог я помню отчетливо, хотя тысячи других диалогов, куда более содержательных, произошедших с куда более интересными собеседниками, мною забыты начисто.

Потом я целовался с Алисой – и вспоминал четырехлетней давности вкус ее губ – миндаль с ананасом (какие-то датчики или рецепторы в моем внутреннем хозяйстве записали эту пикантную информацию и подсунули ее мне в нуж-

ное время; а если бы я не целовал Алису 8 Марта 1986 года... Или все же 8 сентября 1987? Неужели это называлось бы «забыл навсегда»? Странно это все...) Это я тоже помню. А вот когда я отключился окончательно...

Не помню.

Зато я помню, что я периодически «включался» и появлялся на публике как ни в чем не бывало. Несколько раз за вечер. Никто, кажется, за исключением, естественно, Алисы, даже не заподозрил, что я крупно перебирал время от времени.

Пока я сосредоточился на миндале с ананасом, к моим губам подкатила горькая слеза. То плакала Алиса. Я хотел спросить: «Алиса, почему ты плачешь?», но вместо этого стал по-дурацки слизывать все ее слезы, как преданный пёс. А она, чтобы не оставить меня без работы, накапала целое озеро слез. Не прятала лицо и не закрывала глаза – просто стояла и молча плакала. А я, как Барбос, работал языком.

Наконец, я спросил: «Что случилось?»

Случилось непоправимое...

И Алиса рассказала мне, что случилось. Непоправимое – как раз то самое слово. После этого я и отключился в первый раз – с помощью водки без запивона, как и следует истинному мачо.

Чтобы понять, почему мы с Алисой так расстроились, необходимо вернуться на четыре год назад – в тот день, когда мы и познакомились. Ведь это было именно 8 марта, как

можно забыть. Но почему Алиса бросила вскользь «три с половиной года»?

Непонятно...

Было чертовски мило и приятно. На ней было открытое платье (жемчужного цвета) на бретельках, ее глаза блестели таким глубоким праздничным блеском (было видно, что она *по возрасту* счастлива в свои восемнадцать), что отражаться в них тоже было счастьем. Завтра она улетала в Америку учиться любимому дизайну (а у нее столько идей! она же покорит их всех, славных заморских жителей, цветных и разных, но милых, милых, не замечающих плена родных эмигрантских традиций! она заставит их смотреть на мир другими глазами!). Кажется, была немного, удивительно легко и счастливо, влюблена – кажется, в забавного Платона, чуточку в себе неуверенного, но, судя по всему, основательного: приятно, когда он делает вид, что как бы мимолетно ухаживает за ней, а сам не сводит с нее глаз (голубых!), старается угадать ее малейшие и такие невинные желания – наверное, еще не решил, стоит ли в нее влюбляться; приятно, когда на него смотрят другие девочки, а она, Алиса, даже пальцем не шевелит, чтобы получить то, что хочет.

Прелесть! Все впереди! Так и должно быть! Навсегда!

Сегодня вечером это волнующее чувство настолько кстати, так мило, а завтра, увы, оно обратится в милое воспоминание – и тоже очень кстати (и никаких «увы»!). Она же помнит детство: светлая сказка про неуклюжего жука скара-

бея, который, выполнив свою миссию на земле, расправляет крылья и улетает к бесконечным далям, возвращается на небо к тем истокам, которые породили его (спасибо, мама, и папа, и бабушка, бабушка!), но никакого желания вернуться в теплый плюшевый мир Алиса не испытывает. У нее одно желание: вверх, в небеса, сквозь голубой океан, к чему-то действительно ужасно прекрасному.

И Платон ее забудет – и отлично: зачем же портить жизнь хорошего человека с голубыми глазами?

Нет, пожалуй, она бы не отказалась стать для него приятным, отчасти волшебным воспоминанием, возможно, светлой печалью (ведь не каждый день ему будут встречаться такие девушки, как Алиса, – красивые, порядочные, притягивающие к себе счастье и удачу!), но не более того. Нет, не более.

А вот и первый поцелуй, можно сказать, на виду у всех – и где же тут дорога в бездну, которой все так пугают и потому только завлекают? Так себе. Приятно, пожалуй. Но как-то очень физиологично. Много чужих запахов. Много... влаги. Скользкий язык. С Платошей губы в губы еще куда ни шло (а ведь он не умеет, не умеет!), но вот целоваться с другими...

Бр-р-р.

Тело другого человека подпускать к своему – это целое испытание. Его горячая, ищущая (сразу не поняла) ладонь на обнаженном плече, потом на талии, опять на плече, потом, по какому-то тайному, не вполне целомудренному соглаше-

нию, тяжелеющая ладонь скользнула ниже талии...

Нет, дружок. Нет, нет и нет. Это просто невозможно. Наверное, она еще не готова. Пусть это будет в другой жизни, если без этого никак не обойтись.

Тогда еще не казалось, что жизнь преподносит дары, которые обязывают, – счастливой было быть не страшно, от этого спасало легкомыслие.

Такой я ее и запомнил: трогательная округлая девичья полнота (и при этом сочная стройность тростинки), пухлые губы, блеск в глазах и взгляд за океан сквозь меня. Она потому и позволила поцеловать себя, что в упор не видела меня, Платона. Это был символический поцелуй – привет тому, еще не найденному ею Мужчине. И его роль покорно исполнил я.

Что ж, мне было это не сложно: я ведь тоже прикасался губами не к Алисе, а к моей Мечте.

Но расставаться не хотелось.

– Что это у тебя за брошь? – спросил я, чтобы как можно дольше продлить мгновение.

– Это серебряный скарабей. Можно, я подарю его тебе на память? На память именно об этом времени. Вот, возьми. Это мой талисман. Он принесет тебе счастье.

– Спасибо. А удачу принесет?

– Счастье всегда приходит через удачу.

– На счастье – давай. Смотри, какая странная скатерть.

– Ты специально подозвал меня, чтобы обнять? Чем же скатерть странная?

– Мне кажется, она с автографом Пушкина.

– Александра Сергеевича?

– Да, того самого.

– А ты фантазер.

– «Сказку о мертвой царевне и восьми богатырях» помнишь, Алиса?

– Помню. Только сказка была о семи богатырях. Мне пора.

– Странно. Мне всегда казалось, что богатырей было больше. А королевич Елисей разве не в счет?

– Мне правда пора, Платон...

– А какое у тебя любимое число?

Потом потянулись спокойные, размеренные, почти унылые, если бы не молодость, годы – а поцелуй все не забывался. Временами мне казалось, что поцелуй предназначался мне, именно мне, Платону, – и было так стыдно, когда я представлял, что об этих моих тайных мыслях может узнать Алиса. Ведь в моих мечтах было что-то от слабости: я не мог найти себе девушку по сердцу, вот и выдумывал себе прекрасную, скорее всего, несуществующую, Алису. Если она узнает об этом, то поймет, что я слабак и неудачник. Ничтожество. Вот почему я тщательно скрывал (в том числе и от самого себя) то, что казалось мне самой большой моей слабостью.

А теперь вернемся в 8 марта 1990. Алиса плакала, я ее целовал. И потом спросил:

– Что случилось?

В моем вопросе была логика: зачем же плакать, если ничего не случилось, верно?

Она плакала так горестно, что мне пришлось повторить вопрос:

– Что случилось, Алиса?

На первый взгляд, ничего особенного: она вышла замуж. Это естественно. Нормально для девушки её лет, почему же «непоправимо». Девушка созрела, ей пора. Тоже логично.

Но я вместо того, чтобы поздравить свою милую приятельницу, выпил бокал, до краев наполненный водкой (рука не дрогнула), – и отключился.

Наверное, пока я находился в забытии, я думал о чем-то или что-то соображал, не исключено, что строил какие-то планы. У меня есть основания это предполагать, ибо первое, что я сделал, когда пришел в себя, нашел танцующую танго Алису (она уже безоблачно смеялась: «если допустить, что на душе у неё кошки скребли, то это признак характера», – пронеслось где-то в самой глубине моего измученного сознания) и спросил у нее (оттеснив какого-то кривляку в бабочке, изображавшего ее партнера):

– Если я правильно понял, ты меня любишь?

– Да, – сказала Алиса, не переставая улыбаться. Но в глазах ее уже не было и тени того блеска, отражавшего уверенность

ность в неизбежном счастье.

– Ага, – сказал я и, забыв об учтивости, направился к столу, где, помнится, водки было в изобилии. Как и бокалов. Потом вспомнил об учтивости, вернулся к ней, отодвинул кривляку взглядом и просипел, так энергично кивнув при этом головой, словно мне её срубили:

– Спасибо.

И только после этого опрокинул в себя бокал – лихо, в два глотка – под аплодисменты какого-то дебила. Кажется, он сделал то же самое. Так, за компанию.

Я отключился во второй раз.

Придя в сознание, я обнаружил себя сидящим на диване в задумчивой позе (подходили знакомые, мы шутили – они обращались ко мне как к субъекту вполне вменяемому, и это дало мне основания полагать, что никто не замечает, что со мной происходит; много позже я пойму: всем на всех в этом мире просто наплевать). Я размышлял о чем-то, связанном с Алисой. Скорее всего, о том, стоит ли поздравлять ее с заужеством. И если стоит, то в какой форме.

Кроме того, меня слегка мучило любопытство: дело в том, что на моем правом мизинце я обнаружил увесистый перстень, излучавший тяжелый синий цвет. При этом сложно сказать, женский это был перстень или мужской. Как он оказался на моей руке? Чьи это шутки?

Наверное, сейчас кто-нибудь подойдет ко мне, и все объяснится само собой. Наверное, это намек на то, что не стоит

так много пить. Посмеемся вместе. Именно поэтому любопытство мое было легким: я почти не удивлялся тому обстоятельству, что неизвестно как стал обладателем великолепного перстня, играющего живой синей искрой.

И тут ко мне подошла Алиса и спросила:

– А ты? Разве ты еще не женат?

Я молча показал ей перстень.

– Красивый, – сказала она. – Только тебе не идет.

– Я женюсь на следующей неделе, – неожиданно для самого себя ответил я. И твёрдо посмотрел ей в глаза. – На ней, вон на той девушке в белом, – я махнул в сторону танцующих, где, вероятно, могла быть и та, которая уже не раз делала мне предложение стать моей верной женой. Главное – верной.

– Понятно, – сказала Алиса. – Но ведь ты меня любишь?

– Не вижу связи между моей счастливой женитьбой и предполагаемой любовью к тебе.

– Значит, любишь, – сказала Алиса.

– Я любил тебя четыре года, – зачем-то выдал я свою самую большую тайну, – а сейчас торжественно объявляю: с этого вечера с любовью покончено. Ее не существует. Это выдумка. Возьми своего скарабея назад. Он честно просидел на мне четыре года и... В общем, он не выполнил своей миссии.

– А я именно этим вечером поняла, что любовь существует.

– Мы с тобой живём на разных планетах.

– Но в одном времени, не говоря уже о пространстве, и в одной системе. Солнечной. Всё можно изменить. А подарки назад не возвращают. Скарабей будет хранить тебя. Он вытащит тебя из любой трясины, он воскресит тебя и поможет победить.

– Ж-ж-ж-ж, – сказал я и молча поклонился в знак того, что каждый имеет право на свои собственные мифы и заблуждения (в тот вечер меня что-то так и тянуло поклониться Алисе; я кланялся непринужденно, как шут, – но ведь кланялся же!). И слабости. И ошибки. В мои, например, ближайшие планы входило то, о чем я, вероятно, в скором времени пожалею, а именно: водка – бокал – забытьё. Ж-ж-ж-ж...

Каждый имеет право быть самим собой.

Каждый имеет право пытаться скрыть от себя своё истинное лицо.

К сожалению, и в третий раз я отключился не окончательно (вопреки всем сказочным требованиям к повороту сюжета). И тому есть веские доказательства: через месяц я женился. Следовательно, я успел в тот чертов вечер сделать предложение своей будущей верной жене. Видимо, она все же танцевала в той веселящейся стае.

И, судя по всему, приняла мое предложение. Дьявол. Дьявол. Дьявол.

Кстати, перстень с моего пальца исчез. Как появился – так и исчез. Даже не смешно.

И ещё один штришок, незабываемый. Веня весь вечер маячил рядом со мной, на заднем плане; его кривая улыбка (плотоядная загогулина где-то поверх костюма) неизменно сопровождала мои выходки. Помню, когда мне становилось особенно плохо, я начинал злиться от отчаяния – но злился не вообще, а весьма избирательно: объектом моей злости становился почему-то Веня, словно именно он был причиной всех моих несчастий. Я даже запустил в него пустую бутылку из-под водки. Промахнулся. Попал в зеркало, а не в него.

«Клоун, бля, по жизни», – глухо звучало у меня над ухом осуждающим рефреном.

Вот что случилось в Минске в марте 1990 года.

Если кому-то покажется, что в этом происшествии не было ничего особенного, не было ничего такого, что могло бы заинтересовать умных и добрых людей, то он сильно заблуждается. Заметные события всегда начинаются с незаметных происшествий. Взрослая жизнь начинается с детства. Река начинается с ручейка – а потом её не удержать.

И Волга рано или поздно впадает в Каспийское море.

Всё происходит так, как и должно быть, хочу я сказать.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

1

1.1

Марсик был отчаянным котом.

Марсик падал с девятого этажа, побывал в пасти у туркменского волкодава, тонул, попал с Веней в страшную аварию, его украли (увезли километров за сто, а он сумел вернуться), попался Вене под горячую руку (Веня, не любит об этом вспоминать, ох, не любит), отравился свежей рыбой с Байкала. Семь. Что-то я упустил. Ах, да, его же несли топить, а я выпросил у прагматичного соседа живой комочек, попискивающий, как полая резиновая игрушка со свистулькой, и потом подарил Вене. Восемь.

Теперь он жил девятую жизнь.

– Мар-рс, подь сюда, подлое животное, хромоногое и парнокопытное – рычал Веня, сидевший в своём рабочем кабинете за рабочим столом в чёрном японском халате с изображением золотого дракона на спине, но Марсик его нисколько не боялся. Он словно чувствовал, что не бояться Вени – в высшей степени прагматичная линия поведения, обеспечивающая ему уникальный статус: беззащитное существо, которое плевать хотело на всемогущего хозяина – это беско-

нечно умиляло Веню.

– Что позволено Марсу – не позволено никому... Можешь объяснить мне сей парадокс? – обратился ко мне Веня.

– Могу. Но тебе этого не понять.

– Ты полегче, полегче. Не надо со мной как с равным. Марс на этом свете один. Верно, крупнорогатое?

Марсик спрыгнул с колен повелителя, давая понять, что не расположен к нежностям.

– Вот сволочь, обожаю, – в глазах Вени холодной звездой блистала влага.

Я первый и последний раз в жизни видел в его стальных глазах подобие слезы.

– Иди сюда, жопа, таблеточку проглотил, пёс. Ну!

Тон Вени стал таким, что Марсик выскочил из-под стола и стал тереться о ноги хозяина.

– Препарат разрабатывали специально для этого Котофеича, ни один император в мире не может позволить себе такой роскоши, а мы вот даже спасибо не мяукнем...

Кот аккуратно, язычком взял таблетку в рот и пошел ее запивать – в углу стояла для него вода из специальной артезианской скважины.

Веня наслаждался зрелищем.

– Художественное творчество – продукт всего лишь удивительным образом настроенного, изменённого, если угодно, сознания, работающего под определенным психологическим углом или градусом, – продолжил я мысль, мощное те-

чение которой было прервано появлением Марсика.

По остекленевшим глазам Вени можно было догадаться, что он послушно погружается в моделируемую мной реальность. Веня вот уже годами зачем-то держал меня при себе – словно шута, сиречь юродивого, или оракула; Марсик ведь не мог говорить, а я был говорящей игрушкой. И мои эпизодические утренние импровизации (после его обычных таблеток и процедур, за «голубым» кофе) были отчего-то необходимы Вене, хотя он и считал своим долгом время от времени ставить меня «на место».

Мы не говорили с ним об этом, но я чувствовал: от меня требовалось всякий раз удивлять Барона д`Огорода (это была кличка Вени, придуманная мной для внутреннего, то есть монологического употребления) – практически до изумления. До икоты. Это было залогом его интереса ко мне. Гарантией наших стабильных отношений, крайне мне выгодных, полезных и необходимых. И если я ощущал, что Веню «зацепили» мои мысли, я мог позволить себе не меньше, чем Марсик, – правда, ровно до того момента, пока он получал кайф от интеллектуального блуда или от перспектив, которыми я его завораживал (тоже ведь своего рода кайф). Я уже знал: в моем распоряжении было от получаса до сорока пяти минут. По истечении этого срока то ли действие таблеток прекращалось, то ли по каким-то еще причинам Барон д`Огород (кличка, глупее не придумаешь!) начинал нервничать, отвлекаться на пустое, как первоклассник, элементарно те-

рять концентрацию – и я, после, желательно, ядерного резюме, удалялся с умным видом.

Могло ли нравиться это мне, человеку с достоинством?

Вопрос риторический: конечно – да. Ведь Барон был моим единственным шансом, ничего другого мне не светило, поэтому я, словно Марсик, вынужден был терпеть наши просвещенные беседы – пока не являлась Венера или молоденькая полуголая барышня (видимо, он нажимал кнопку, то ли под столом, то ли в полу, или как-то иначе приводил в действие систему оповещения кого следует – кто знает, чем нашпигован был его рабочий кабинет).

– Воображение рождает образы в заданной парадигме (и вот тут интеллект помогает, усиленно ассистирует). Можно, как Пелевин, пустоту воплотить, буквально пропитаться ощущением пустоты и понаворотить кучу пустых образов; можно, как Толстой, настроиться на коллективную, народную волну – и тогда отовсюду будет выпирать тело народное, то бишь народный дух, который больно травмируется телом инородным, то бишь разумом. Можно, как Достоевский, предчувствие Бога (потому что очень-очень хочется) растворить в жизни – и захлебываться неземным восторгом от того, что тебе это удалось, удалось воплотить загадочную «русскую душу».

Художественная литература – это пустота, ибо она воплощает то, чего нет – химеры...

Барон резко сменил положение в кресле. Он уже почти

клокотал, ибо я уязвил его во что-то тайное. Нажал на какое-то сцепление нейронов. Я выдержал паузу. Возражений не последовало.

– Всю жизнь служить химерам. Забавно, – подлил я масла в огонь.

Молчание.

– Вот почему все великие художники, как один, приходят к великому разочарованию. К пустоте...

– Не знаю, куда ты клонишь, но я с тобой согласен, – заговорил Барон д'Огород, обращаясь к развешенным на стенах картинам, среди которых видное место занимал портрет обнаженного маркиза де Сада. – Я скажу так: каждый должен пройти испытание миражами литературы. Вот хоть бы я... Прошел. Имею повесть в багаже. И еще кое-что. Имею право сказать: не морочьте мне голову. Да я один, моя осмысленная жизнь, хочу я сказать, стою всей великой русской литературы – в отношении культурного результата.

– Если не понимаешь этого механизма, – продолжал я как ни в чем ни бывало, – то носишься с собой, как дурень с писаной торбой. «Я гений, гений я...» Как только поймешь... Что происходит, если осознать этот тайный механизм? А, Барон?

Я тебе скажу. Не хочешь слышать – закрой уши. Все культурные стимулы жить выключаются. Обман, сладкий обман раскрывается, перестает быть сладким. Культура, творчество не охраняют больше жизнь, не будоражат больше кровь.

Что же остается бедному человеку?

Барон сначала заёрзал, а потом вскочил – но рта не раскрывал.

Я сделал паузу, наслаждаясь своей властью над ним.

– Натура, Барон, – сказал я, наконец, тихим голосом. – Тело. Инстинкты. Тело никогда не обманывает, никогда.

– Вот! – завопил он. – А я о чем! Бросишь камень в меня, в подлеца-человека, – попадешь в жизнь! Во всех людей! В каждого! В тебя, Плато! Клянусь шайтаном! Понимаешь, Плиний Старший?

Получалось, что он объяснил мне то, что я ему только что растолковал.

Это было мне знакомо. Это входило в мои планы. Более того, это было неписанным условием нашей игры (к которой он относился куда серьезнее, чем я).

– Кажется, понимаю, – сказал я, не собираясь цеплять на себя гримасу, сопровождающую мои эвристические пассажи (Барон смотрел не на меня, а в себя). – Я даже больше скажу: несчастному человеку кажется, что кайф от культуры несопоставим с кайфом, который получаешь от натуры...

– Вот! – утробно рывкнул Веня (Марсик, привыкший к резким переменам климата в этой географической точке вселенной, метнулся, от греха подальше, из-под стола за диван). – Вот, вот, вот... Задачу понял? Найди мне, Плиний, такой культурный стимул, который перекрыл бы стимул натуральный. Давай, отыщи. Вот тогда мы с тобой мир на уши

поставим. Всех раком пере...ём. Жестко. Раздвинем оба полушария – и вставим.

«Все просто, – подумал я. – Этот стимул – любовь. И не надо так грубо. Всё произойдёт по взаимному согласию».

Но сказал при этом совсем иное:

– Да, задал ты мне задачку... Это ведь все равно, что отыскать философский камень. Надо пораскинуть мозгами.

– Пораскинь, пораскинь, Скарабей... Нарой свой камень, удиви Веню. Хотя, боюсь, всю мудрость веков мы с Марсиком осилили экстерном в экзист-школе: самая великая культурная ценность – это натура... Это осмелился провозгласить великий маркиз де Сад, и это не детсад. Это целый огород. Ха-ха! Но ты попробуй. А вдруг? Великие, но недостижимые, цели иногда рождают великие реальные результаты – хотя и совсем не те, на которые рассчитывали. Ищи Индию – авось, Америку откроешь.

– Нет, Веня, не Америку, а как минимум иную галактику. Где яблоки падают не вниз...

– А вверх!

– Нет, Веня, не вверх, а ...

– В сторону!

– Нет, Веня, не в сторону; там яблоки падают вообще не по земной логике; они могут «падать» в себя, например...

На сей раз Веня не пытался опередить меня.

У меня отлегло от сердца: кажется, в этот раз я справился со своей задачей.

Странно: следующий логический ход – «если я, Платон, достигну результата, то не поздоровится ведь именно тебе, Барон, ибо твоя великолепно оборудованная жизнь пойдет под хвост Марсику» – почему-то не пришел в голову Веня. А я даже был уверен, что и не придет. Потому что он был уверен в том, что я неправ (вот он, решающий довод натуры: верра!) – но ему льстило, что он на честном турнире в чистом поле одолеет умного, напичканного философской культурой мужика. А потом с чистой совестью, «по-культурному», так сказать, – свинца ему (мне, вот что печально) в глотку. За это он готов был выложить деньги. В сущности, ради своего удовольствия.

Материальным же доказательством моей теории могла стать только моя прожитая жизнь. Как иначе можно было обнаружить и показать в действии культурный стимул? Но именно Веня и не должен был ничего знать об этом: он ведь был уверен, что все дело в теории, в умных разговорах. И теории он не боялся. А вот жизни, где он чувствовал себя королем Любоедовиком, отчего-то побаивался...

Барон заговорил уже не так пылко, но все же с огоньком. – Мы с Мишкой-полковником любим баб, но по-разному: он любит их, словно медведь кусок мяса, он, сопящая фабрика сексуальных грез и фантазий, воспринимает женщин как нагромождение пухлых форм, в центре которых законспирирована полая кишка, счастливо предназначенная для закаливания в нее спермы. В моем же представлении эти та-

инстинктивные кожаные чулки, то бишь, сладкие недра, притаившиеся в жопе или в промежности, являются способом отрицания Толстого и Достоевского. И тебя, Плиний, только без обид. М...да – это символ сверхкультуры и одновременно ее пароль. Я их е...у – и получаю колоссальное культурное удовлетворение. К мандатам почтения нету! Мое почтение, Владимир Владимирович. Бабы лишены самосознания: это бабочки с пи...ой, которые летят на свечу моего х...я.

Вот почему я е...у их только в жопу: это глубоко культурная акция, которая состоит из фрикций. Трахаю их до тех пор, пока из их белых попок коричневая жижа не польется. Вот это мне нравится, вот это правильно, вот это закон жизни. Это по-честному. Без обмана. Любая святая мадонна – всего лишь вонючая самка. Я люблю добираться до сути, а суть женщины – говно.

Вот ты говоришь, деньги, деньги... А причем здесь деньги? Это вовсе не денежные знаки; это знаки реализации моей природной, то бишь культурной мощи. Деньги – это символ силы. Понимаешь? Любая баба, как только узнает, насколько я богат, кончает моментально. Оргазм наступает у самых фригидных. А ты говоришь...

Я чувствую себя венцом вселенной, я, а ты, Плиний, несколько мешаешь мне наслаждаться этим космическим чувством. Ты как заноза в заднице. Думаю, в конце концов, именно ты pomoжешь мне увеличить наслаждение до возможных на Земле, здесь и сейчас, пределов. За дело, камрад.

Даю тебе девять лет. И не надо огород городить!

– Почему девять? Это великое социальное ноу-хау. Мне потребуется хотя бы жизнь одного поколения.

– Ничего не знаю. Девять – и точка. Ждать я не умею. Желая все и сразу. Твоя долгая жизнь растянется аж на целых девять лет. Все вопросы к моей божественной интуиции. Я, экстрасенс класса А, имеющий чёрный пояс и девятый дан, – повелеваю. Ю маст ноу, как сделать ноу-хау. Бюджет – девять миллионов евро в год. За девять лет и девяносто миллионов (с учетом уже вложенного) можно перевернуть весь духовный мир, если этот мир, конечно, существует. Ровно через девять лет эта лавочка, если она, конечно, не начнет приносить прибыли, закрывается. Время пошло. Отсчет с девяти вечера девятого сентября сего года...

И давай начистоту... Ты ничем не рискуешь – а это в корне неправильно. Вся наша цивилизация против такого паразитарного подхода. Все должны рисковать, если они хотят добиться результата. Заключим-ка мы пари, как деловые люди. Не добудешь культурной ценности, без которой, как ты уверен, уже невозможна сама жизнь и которая приносит кайф, «обостряющий все наслаждения жизни до пределов немыслимых» (цитирую тебя), я отымею твою Алису в жопу у тебя на глазах. И это будет торжество духа над плотью, ибо плоть и станет духом. Это будет символическим актом, который перевернёт представления о человеке. А примешь мою веру, приходи со своей верной подругой хоть завтра: моя по-

беда мне дешевле обойдется. Будем с тобой одномандатники. Только не надо мне втирать о новоязычниках, козлах из кустов и прочей лабуде. Все это хилое мудачье. Они Толстого не читали. Просто хотят потрахаться и посылают на х... культурные табу – то, о чем представления не имеют. Для них торжество плоти не есть торжество духа, это бездарное блядство – карикатура на мою жизнь и философию.

С ответом не тороплю. До завтрашнего утра.

Последние три слова я произнес про себя раньше, чем услышал их от Вени. Стил ь его юмора я знал уже лучше, чем он сам.

– А дай-ка мне таблеточку, – попросил я, нарушая клятву, данную себе же.

– Вот это по-нашему, это гораздо ближе к истине, – сказал Вения, изучая меня глазами.

В этот момент в комнату вошла девица в коротком халатике. Вения щелкнул пальцами – и халат с нее как ветром сдуло. Не стесняясь моим присутствием, Вения разоблачился столь же быстро. Я увидел то, что видел уже много раз. Вот вам портрет Вени Гербицита (подпольная кличка Фантомас, он же Барон д`Огород, он же Герби, Великий Диктатор, Босс, Маркиз, Адольф, Вензель, Хозяин – кличек у него было немало, что-то около девяти; причем в разные периоды его жизни, которые начинались и заканчивались у него совершенно загадочно для непосвященного, он предпочитал разные, всякий раз другие имена, которые, впрочем, приду-

мывал не сам; неудивительно, что люди путались и со страху называли его как бог на душу положит, все больше Барон или Босс; что касается меня, то я, подчеркивая его самотождественность, неизменно называл его Веня, иногда облаивая кличкой).

Не гигант, но рослый мужик, под метр девяносто, крепкого сложения, все еще рельефные мышцы – бывший спортсмен поддерживает себя в неплохой форме, разве что бока вокруг живота облегают поясок жировых отложений; до блеска выскобленная голова, тело абсолютно лишено волосяного покроя, выбрит даже неожиданно жирноватый лобок, и сиротливый, словно искусственно, несколько набок, вставленный в тело член свисает утомленным, высунувшимся неведь откуда удавом. Из волос на теле только светло-рыжие брови и такие же ресницы; их, слившихся с цветом лица, конечно, не видно, и о Вене хочется сказать: этот экземпляр покрыт великолепной, отлично выделанной смугловато-желтой кожей белого человека. Нечто действительно в духе современного Фантомаса. Что касается глаз, плотоядно выделяющихся благодаря отсутствию бровей и ресниц...

Они до степени карикатуры невероятно гармонировали со всем «кожаным» обликом: взгляд был нависшим и тяжелым, и цвет глаз, каким бы он ни был, казался желтовато-коричневым. Бывали моменты, когда мне казалось, что в каждый Бенин глаз вставлено по луне.

Я пришел к себе в номер 117, положил на язык таблетку

и запил ее водой.

Раздался звук, напоминающий лёгкий гул реактивного двигателя: тиу-у-у...

Я куда-то улётал, преодолевая пространства, принимающие форму времени.

Улёт...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

2

2.1.

«Был у меня друг. Придурок редкостный. Звали его, впрочем, Филиппом.

Как-то раз пришел он к Васе Сахару».

Так начиналась повесть Вени Гербицита, которая называлась «Туз».

– Занятное начало? – спросил он.

– Не оторваться, мистер Герби. Вся классика у вас в подмётках. Ковром у ваших ног. Это же практически Пушкин: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова».

– То-то же... Читай.

Я дочитал повесть до конца. Вот она, если кто-нибудь проявит любопытство. Лично меня она заинтересовала тем, что в ней не было ни капли вымысла.

«Пришёл и говорит:

– Надо закопать двух жмуриков. Барон приказал.

Вася Сахар пожевал свой ус, каким-то тавром разместившийся у него под носом (представьте себе мохнатую подкову, отделяющую нижнюю часть лица от верхней), и задумчиво произнёс:

– Мой кум, он, правда, ещё живой, говорит так: земля любит покойников, но не каждого принимает.

После чего, ни слова ни говоря, пошёл к себе во флигель. Очевидно, позвонил Барону (у него прямой доступ к шефу, что-то вроде правительственной вертушки – редчайшая привилегия). Потом, опять же – молча, взял свой знаменитый заступ (конец черенка венчал металлический набалдашник в виде черепа) и пошёл рыть могилу.

Все гробокопатели, как известно, любят пофилософствовать, и это неудивительно, если принять во внимание, что их профессиональный интерес сосредотачивается вокруг момента перехода человека в мир иной; они, гробокопатели, стоят у истоков процесса разложения плоти; тут поневоле станешь философом, ибо каждый день наблюдаешь жизнь со стороны смерти; но отчего Вася именно тогда произнёс именно эту фразу?

Сахар, неофициальный штатный Могильщик (официально он числился скромным садовником), отменно справился со своим делом. Тела были преданы земле, их не нашли бы даже те, кто очень бы этого хотел (а такие всегда объявляются рано ли поздно). Собственно, за это искусство бесследно прятать и держал Васю всесильный Барон: Могильщик без шума и пыли зачищал концы, порой обделявая делишки весьма и весьма деликатного свойства. При этом сам был – могила.

Филипп заметно повеселел: ещё одна тайна канула в Лету.

Но через три дня он приходит к Васе, бледный как покойник, и говорит:

– Слушай, тут такое дело... Ты только Барону бы не говорил, а, Вась? Не скажешь?

Вася отвечает (непрерывно при этом разгладив-отерев усы, эту знаковую деталь фольк-стиля, неименным народным жестом – большим и указательным пальцами от ноздрей к углам рта; рот при этом открывается, как у большой рыбы):

– Приятель кума, он, правда, на год моложе за меня, говорит так: не кусай руку кормящую тебя. И думать не моги супротив идти. Я Барону докладываю обо всём.

– Ну, и чёрт с тобой, говори. Тебе же хуже. Труп, который ты закопал недавно, вчера пожаловал ко мне в гости. Ровно в полночь, собака.

Вася перекрестился.

– Который из двух?

– Тот, что в кольцах весь. Шрам на горле – помнишь? Кличка – Щелкунчик.

– Зачем приходил?

– За деньгами, за чем же ещё шастают покойники. И на тот свет из-за денег попадают, и сюда прутся за ними же. Тьфу, погань, а не люди, прости отец небесный. Я ему должен был деньги. Много. Карточный долг. Меня, это... Червовый туз подвёл, сука. Перебор.

– Барон знает о долге?

– Знает, не знает, – какая разница. Сейчас не о том речь.

Как это у тебя покойники по ночам разгуливают, а? Во вверенном тебе хозяйстве? Надо бы проверить, а, Вась? Может, он сбежал из могилы. За это Барон нас с тобой повесит за яйца, можешь мне поверить. Правда, сначала язык вырвет, потом глаза выколет. А потом подвесит, как пить дать.

– Ты с Бароном разговаривал?

– Я хочу, чтобы сначала ты проверил захоронение: если Щелкунчик лежит смирно – зачем Барона беспокоить?

– Как же он лежит, если он к тебе приходил?

– Вот этого я объяснить не могу. Не знаю! И не смотри на меня так. Я уж и свечку поставил в церкви «за упокой раба Божьего Щелкунчика». Можно я у тебя переночую, а, Вась?

– А что сказал покойник?

– Если, говорит, не отдашь долг, сука, я, говорит, сначала язык тебе вырву, а потом глаза выколю. И показал мне туз, сука.

– А про яйца ничего не говорил?

– Нет, ничего. Про яйца я уже сам догадался.

– А ты? Что ты ответил Щелкунчику? (Тут Вася опять перекрестился и проехался ладошкой по усам.)

– А я сказал, что у меня нет денег. А он сказал, что ночью опять придёт ко мне. А, Вась?

Сахар пожевал тронутый сединой ус и вошёл во флигель, крепко притворив за собой дверь.

Через некоторое время вышел и сказал (после манипуляции с усами, разумеется):

– Мой двоюродный брат, он, правда, уже умер, говорил: мёртвые к мёртвым, живые – к живым. Ночевать тебя определит господин Барон. Иди.

На следующий день Барон вызвал к себе Васю Сахара.

– Ну, что? – спросил Барон.

– Лежит Щелкунчик, куда он денется. Земли над ним кубов десять. Правда...

– Что там ещё? Говори!

– Руки у него вдоль тела были вытянуты, а теперь на груди сложены по-христиански.

– Может, тебе померещилось?

– Помилуйте, Барон, не первый год служим, службу знаем. В милиции я же был лучшим сержантом, глаз – алмаз... И ещё...

– Давай, не тяни.

– Костюмчик на нём чистый, земелька к нему не пристаёт. Не пачкается. И ещё... Улыбается он, вроде как подмигивает.

– Щелкунчик?

– Да.

– Дыхни, сука.

– Ваше Сиятельство, я уж девять лет не пью.

– Тебе, что ль, подмигивал?

– Не могу знать. Сигнал подавал.

– Ну, ладно. А теперь слушай. Филиппа я хорошо спрятал. Мышь не прошмыгнёт. Он ведь мне когда-то жизнь спас. Я

добро помню. Так вот. Этой ночью ему отрезали язык.

Барон рассмеялся.

– Представляешь? Как это могло произойти? Обожаю загадки. Я рождён, чтобы их разгадывать. Что, обоссался? Перед боссом? А, бесенок?

Вася перекрестился, забыв тронуть усы (первый жест оказался явно древнее по происхождению).

– Да брось ты руками перед мордой махать. Тут не креститься надо, а подумать хорошенько.

– Щелкунчик сказал, что сначала язык вырвет Филе, а потом глаза выколет...

– Я в курсе. Мне Филипп говорил. Как ты думаешь, что я предприму в ответ?

– Не знаю, Ваше Сиятельство. Босс.

– Зато я знаю. Язык Филипп мог сам себе отрезать – ну, скажем, умом тронулся. Он же денег был должен покойному – хренову тучу. Хотя Щелкунчик был не чист на руку, ой, не чист. За то, собственно, и поплатился. Я приставлю в палату к Филиппу надёжных людей, свяжу ему руки – посмотрим, что у него будет с глазами. Понимаешь?

Вася смог только кивнуть головой.

– А теперь бери фонарь, пойдём, покажешь мне этого фрера в костюмчике. Что за материя такая? Я имею в виду его прикид, конечно. Надо бы поинтересоваться.

Они бодро зашагали на кладбище.

– Кстати, Вася, все собираюсь спросить: за что тебя по-

перли из рядов доблестной милиции?

– Да за то, что я полковника на х... послал.

– Кого-кого? Полковника?

– Ага.

– А чего это ты так раздухарился?

– Не могу знать. Бес попутал. Так надо понимать.

Щелкунчик лежал на месте, рядом со своим гей-партнёром по кличке Помада, которого пришлось убивать как свидетеля. Заодно и как пидора. Щелкунчик не улыбался. Не подмигивал. Лицо было чистым, без следов насилия. Ему сделали инъекцию за ухо (вечерняя подруга, грудастая, ноготочками пощекотала и нечаянно царапнула шейку) – и всё, никто ничего не докажет, даже если труп отыщут и проведут экспертизу (его партнёру в тот же момент неуловимым движением, опять же, на виду у всех, сломали шейный позвонок: в принципе, смерть также была лёгкой и быстрой: эти двое прожили короткую, грязную жизнь и умерли в один день и час, как в сказке). Костюмчик действительно был чистым, даже искрился – хоть сейчас под венец.

Когда Вася вновь сровнял могилу с землёй, раздался вежливый стук. Оттуда. Из-под земли.

Барон побледнел. Стук повторился.

– Копай, – приказал босс Васе.

Тот стал креститься, раскрыв рот. Барон оттолкнул его и сам взял в руки заступ. Перевернул все десять кубов. Земля зловеще поблёскивала в лунном свете. Всё было как прежде.

Щелкунчик лежал смирно. Не улыбался. Не подмигивал. Барон порылся у него в карманах. Очевидно, искал нож или что-нибудь колюще-режущее. Не нашёл. Обнаружил только туз червей (левый угол загнут) в левом кармане. Не спеша обыскал и грязный костюм его любовника. Безрезультатно.

– Закапывай эту падаль, – бросил он Васе.

Тот послушно исполнил приказание. В тот момент, когда куратор мёртвых бросил последнюю горсть земли (медлил, оттягивал этот момент со знанием дела), из могилы вновь донёсся стук. Точь-в-точь такой, как в первый раз.

Барон приложил палец к губам. Стук повторился.

– Пойдём. Эти трупы с чувством юмора мне ещё пригодятся, – сказал Барон.

В ответ третий раз раздался стук.

Ещё ночью Барона разбудили охранники (он распорядился, чтобы при определённых обстоятельствах его потревожили). У Фили были выколоты глаза. В изголовье у него лежал тот самый туз червей с загнутым левым углом. Дверь в палату была закрыта (ключ у старшего), окна – тоже. Охранявшие палату следили друг за другом, а за ними за всеми следила камера. За камерой тоже было кому следить.

Наутро тела без ведома Васи Сахара были эксгумированы и исчезли в неизвестном направлении. Может, вверх; может, вниз. Может, ещё куда.

Вася потерял свою ответственную должность. И, разумеется, исчез. Бесследно. Сержант догадывался, на что он шёл,

когда соглашался на эту непыльную работу, за которую ему платили как премьер-министру какой-нибудь коррупционной державы – так, что он построил коттеджи в городе двум своим сыновьям. Поговаривают, что Вася лежит в том самом месте, где так и не уgomонился сгинувший Щелкунчик. С другой стороны, ходит слух, что он подался в Молдавию, на родину предков. Слухи, контрслухи – это вполне в духе ДН ПП.

Последнее, что слышали от Васи Сахара (правда, этих людей так никто и не видел), были слова, которые он произносил, дивясь их смыслу:

– Филипп, он, правда, был старше за меня на два года, говорил: «В Плутоне нет ни одного живого и здорового человека. Ни одного! Попомни моё слово. Вот чтобы у меня язык отсох и глаза ослепли». Сум, су-ум...

Можно не сомневаться, что при этом Вася сначала перекрестился, а потом отёр свои усы.

Не помогло».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

3

3.1.

У Алисы были рыжие глаза. Верите? Неправдоподобно? Ладно, вру. Зеленые – больше устраивает?

На самом деле глаза были черт-знает-какие, практически – русые. Понимаю, что все на свете должно быть определено, в том числе цвет глаз, но что поделаешь, если реальность срамит наши ожидания. Тем хуже для реальности?

Тогда вам лучше взять в руки другой роман. Я же ни на буковку не отойду от истины. Излагаю все так, как было. Знаю, что неправдоподобно, но так было.

И ещё запомните, пожалуйста, на всю жизнь. Если я, духовный аристократ, говорю «так было», значит, так оно и было. Если бы вы оказались одинаковой со мной породы, вы бы никогда не унизились до требования «предъявите доказательства». Вы бы знали: духовный аристократ органически не способен врать в делах чести. Вы бы знали: не верить мне – значит, унижить себя.

Этот кодекс чести кажется утопическим; на самом деле это единственная духовная реальность.

– Я женился, как и обещал, – сказал я Алисе, ковыряя десертной вилкой в пироге под названием сыромак – тот, что подают в заведении под названием «Салодкі фальварак». Алиса пригласила меня на чай в это уютное местечко, где пахнет чем угодно, земляникой, ванилью, только не катастрофой.

– Знаю. И это доказывает, что ты любишь меня: ведешь себя, как мальчишка. Ты пока не готов к любви.

– А ты готова?

– Да, – просто сказала она.

– Между нами, я так понимаю, все кончено?

Я, кажется, догадался, зачем она настаивала на этом совместном чаепитии: она изящно ставила точку над і.

– Не питай иллюзий, все еще только начинается. А когда ты созреешь, чтобы любить, ого-го... Тебя будет не остановить. Ты горы свернешь. Ты станешь таким, что тебя будет трудно любить, а не любить будет невозможно.

– А сейчас меня любить легко?

– Сейчас тебя еще по-настоящему нет. Ты пока в тугом коконе. Сгусток слизи. Белок. Ты лишь духовный зародыш, не очень симпатичный, как все зародыши, извини. Сейчас ты смотришь на меня однобоко, сверху вниз, и видишь меня в искажённом свете, а потом, когда будешь любить, ты увидишь меня в ракурсе снизу – вверх, и только тогда получишь право смотреть на меня сверху вниз... Это право надо заслужить, Платон. Сейчас ты меня не видишь, ты не знаешь

цены ни мне, ни себе.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я это чувствую.

– По-моему, ты просто блефуешь. От отчаяния и от какой-то беспросветности, что ли, ты несешь бог знает что.

– Это ты от отчаяния и от страха мне не веришь. Потому что не веришь себе.

– Как может мужчина верить шепоту женской интуиции? А? Он станет жалок! Чакры, мантры, астрал – это не для меня. Шепот, робкое дыхание, трели... Нет, с меня хватит этих пелеринок.

– Ты прав. Мужчина не может верить шепоту женской интуиции в себе. Это глупо. Ладно. Смотри, не потеряй меня. У тебя еще пока есть шанс.

– А если я опоздаю – ты превратишься в лягушку? Или станешь Татьяной Лариной? Тебя заберет Кощей Бессмертный? Куда ты денешься с планеты Земля? Ты рассуждаешь как принцесса голубых кровей, которых уже нет или ещё нет, не знаю, не уточнял.

– Ты можешь смеяться, но это на самом деле сказочный шанс. Я не Татьяна Ларина, я её умудрённая праправнучка – я буду ждать тебя изо всех сил. Но я не знаю, на сколько меня хватит. И я не знаю, куда я денусь. Возможно, меня ждет участь мертвой царевны. Я могу просто умереть от любви. Возможно, возьму и стану обычной бабой. Не расцвету. Тогда меня уже не расколдовать. И мне страшно даже не за се-

бя, страшно за тебя. Ведь тебе нужна я так же, как ты – мне. Без меня ты не состоишься.

– Что значит «не состоишься»?

– Не будешь счастлив, станешь себя корить, тебе будет больно. И еще... Ты не совершишь самого главного в жизни. Я знаю только одно: я, к чему лукавить, по глупости выскочила замуж, сейчас я разведена и жду тебя. Я не хочу давить на тебя своим ожиданием, но я знаю, как ты будешь мучиться, если опоздаешь... Ты ведь очень умный, всё это ты со временем поймёшь, а я только чувствую.

– Что за чушь, Алиса, у меня голова пухнет от твоих слов... Ей-богу, какой-то сентиментальный бред, розовый роман в стиле аж XIX века. Пройденный этап в жизни человечества.

– И голова пухнет, и сердце болит, я знаю. Не злись. Хорошо. Пей чай, Платоша. Знаешь, как делается сыромак? Я его сама умею печь. Рецепт прост...

Она подробно, со вкусом расписывая нюансы (и тут я впервые понял, что женщина никогда не станет равной мужчине, ибо слабый пол докультурен по сути своей), рассказала мне об очень любопытном рецепте сыромака. Я слушал внимательно и, казалось, вникал во все детали кулинарного чуда, хотя на самом деле я прислушивался к недрам в себе, к разбуженному голоску, усиленному дворцовой акустикой, доносившемуся, казалось, сквозь массивные запертые двери. Я обнаружил в себе катакомбы, подземные сети коммуника-

ций, испугавшие меня.

После этого я сказал ей:

– Я тяжелый и... космический человек, и мне страшно было подпускать себя к тебе. Ты ведь земная женщина. Скажу тебе на твоём языке: если Везувий проснётся, лилии завянут.

Она ответила:

– Не бойся, ничего не бойся. Дело не во мне. Это ты себя к себе не подпускаешь. Так делает большинство мужчин. Но ты особенный...

И я подумал: «Совсем недавно я был убежден, что женщина – это человек, который не совершает поступков; я был убежден, что женщина умеет только мстить мужчине, которого не в силах удержать; а вот сейчас я разговариваю с Алисой – и я уже ни в чем не убежден; иллюзии рассеялись, а убеждения пока не сформировались; опыта стало больше, а уверенности в себе меньше; о, проклятая для умного мужчины полоса... Хилый зародыш. Алиса умнее меня? Женщина умнее мужчины?»

А ответил так:

– Ты испечешь мне сыромак?

– Конечно, испеку, солнце моё.

– Это меняет дело... Жизнь отдам за сыромак.

Что скрывалось за моей бессмысленной репликой я понял только тогда, когда вернулся вечером домой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

4

4.1.

Что я помню до того, как появился на свет белый?

Как ни парадоксально – ничего. Даже темноты – хоть глаз выколи – не помню толком, хотя она, несомненно, была, как же без нее там.

А вот сны свои, которые я помню с пугающими подробностями (это с моей-то, откровенно говоря, очень средненькой памятью: уж не наказание ли мне за абсолютно смертные грехи?), всегда начинались с темноты.

(Кстати сказать, лучше всего я помню сны, которые видел *во сне*, если вы понимаете, о чём я. И сны *во сне* были убедительнейшим (хотя и пугающим!) доказательством того, что сон был больше, чем сон. Ведь то, что я видел, имело отношение к моей прошлой, вполне реальной, жизни. Уж я-то это знал. Мои сны *во сне* и были нитью, связывающей меня с реальностью.)

Темнота.

Я появился на свет из тела женщины.

Конечно, я испытывал к женщине бесконечное благоговение (она ведь создала меня из себя, поэтому всегда присут-

ствовала во мне) – и вместе с тем неукротимое раздражение: зачем ты сотворила меня, если не знаешь, с какой целью ты сделала это?

Главной загадкой моей жизни был не Веня, отнюдь не Веня; главной загадкой моей жизни была женщина: женщина во мне, женщина в Вене, женщина в мире вокруг меня. Женщина стала ключом к мужчине. В том числе – ко мне.

Возможно, поэтому я воспринимал темноту как непреходящий атрибут женской сути. Это было что-то вроде запаха женщины или женской ауры. Темнота была для меня женским качеством.

Возможно, поэтому темнота рождала сюжеты, которые, кажется, не были воплощены в моей жизни, однако они могли быть с лёгкостью реализованы в любой момент; измени обстоятельства – и мои сюжеты из снов сразу же станут явью, а сама жизнь превратится лишь в потенциальную возможность – вытеснится в сон.

Вот почему мои сны не были жизнью, но они были частью реальности. После моих снов я уже иначе смотрел на Алису. Я постигал её всё полнее и полнее.

То, что я изложил сейчас, – это, кстати, медитация из сна. Именно медитация, сырьё для мыслей, вылепленных чуткими ладонями чувств. И я ходил по земле, наполненный снами, и сны были частью меня.

На этот раз я увидел историю, которая, если бы она случилась, случилась бы именно так, как я увидел это во сне: в

этом нет никакого сомнения.

Темнота.

Из ниоткуда появляется ослепительно сияющая точка. Она кишит какими-то информационными микробами, которые размножаются в ужасающих космических масштабах. Я вдруг увидел, как некий молодой человек отделился от точки и подиумной походкой направился к моей Алисе – чтобы сделать ей предложение.

Вот вам портретик акварелью этого парня, если угодно. Облик с обложек глянцевого гламурных журналов – грязноватая поросль на впалых щеках любителя гашиша, женский разрез глаз, короткие курчавые волосы. Что-то восточное в лице: обтянутые кожей скулы? Глаза? Арабская смугловатая желтизна? Среднестатистическое нечто, профессионально сосредоточенное на том, чтобы излучать сексуальную привлекательность, транслировать мнимую раскрепощённость (такие могут носить майку с надписью «секс-инструктор», или ещё какую-нибудь пошлятину в этом роде) – нечто, разбрасывающееся предложениями руки и сердца направо-налево от неуверенности в себе, и эта его неуверенность вдруг придаёт уверенности моей Алисе. Это видно по её глазам. По интонации, которую я не слышу, но чувствую.

Почему она разговаривает с ним? Почему так легко даёт свой телефон?

Мне становится горько и больно. Ей плохо со мной? От отчаяния?

Вдруг меня осеняет (и я знаю, что прав): она всё ещё держит меня как запасной вариант (не вполне отдавая себе в этом отчёт). Развелась с мужем ради меня, заразила меня своей уверенностью – и тут такая картина. Я словно заглянул в щёлку и разглядел то, чего сама Алиса о себе ещё не знает.

Я в шоке. Мне становится по-настоящему интересно.

Я проснулся с уверенностью, что во мне пробудились способности экстрасенса. Мне удалось не мешать себе в напряжённом деле раскрепощения. Причём эта уверенность настигла меня ещё во сне, перед самым пробуждением. И не в виде внятного информационного послания – получил конверт с голубиной почтой, вскрыл, прочитал, усвоил, – а в форме неизвестно как обретённого ощущения. Поэтому когда я открыл глаза, я уже ни в чём не сомневался.

Сны не обманывали: это было аксиомой, сомневаться в которой было глупой тратой времени и сил.

Кстати: сны не только начинались темнотой, но и заканчивались ею.

Темнота.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

5

5.1.

А где же в это время была моя гордость?

При мне. Как и моя слабость...

Вот со слабости все и началось. Я приревновал Алису к её бывшему мужу.

Это было настолько глупо, настолько не в моём характере, что я до сих пор с трудом верю в реальность произошедшего.

Однажды я пришел домой, то есть в покой 117 Отеля «Плутон», раньше обычного. Алисы почему-то не было дома. Это не то чтобы взволновало меня; мне даже в голову не пришло увидеть в этом хоть что-либостораживающее. Вернулся раньше Алисы: что в этом удивительного?

На следующий день картина повторилась: я возвращаюсь – Алисы нет.

– Где ты была? И вчера, и сегодня... – спросил я со смехом.

– А, заметил моё отсутствие... – улыбнулась Алиса.

– Так где же ты пропадала?

– Можно, это будет моей маленькой тайной? Ничего серьёзного, но мне бы не хотелось об этом говорить. Тем бо-

лее, что это касается не только меня.

– Ладно, – сказал я. – Черешни хочешь?

Я был в Минске и привёз целое ведро спелой крымской черешни.

– Хочу. От неё полнеют, в ней много глюкозы, но я всё равно хочу.

– А почему бы тебе не располнеть? – невинно поинтересовался я.

– Перестань, – пресекла Алиса мои как бы шутливые ползновения. У нас не было детей, хотя, казалось, были все возможности их иметь. К нашим услугам была солидная медицинская поддержка. Алиса делала сложные обследования, но мне пока ничего об этом не говорила. «Пока не время». Я знал, что она очень переживает по этому поводу. Сам я тоже хотел иметь детей с Алисой.

Я поставил перед ней миску мытых ягод – крепких, словно отполированных, ядрышек.

– Веня попросил тебя зайти к нему.

– Барон? – удивился я. – Когда?

Обычно с такой просьбой звонил мне либо он сам, ибо его секретарша, молоденькая японка Ёсико, которой были знакомы, казалось, только эмоции робота, «озабоченного» исключительно работой. Она включала и выключала улыбку, никогда не повышала тона, носила строгие деловые костюмы и следила за секундами. Общение с ней не предполагало ничего личного. Боюсь, даже сам Маркиз и не пытался разгля-

деть в ней женщину.

– Завтра утром. К девяти.

– Завтра?

Здесь я удивился ещё больше. Барон не выносил моего общества в больших дозах. Мы встречались не чаще трёх раз в месяц.

– А где ты его видела?

– Была у него в апартаментах, – коротко ответила Алиса.

– У Венеры?

Алиса сделала знак рукой (ладонь резко отталкивает от себя воздух и ставит невидимый заслон): больше не хочу об этом говорить. Отношения двух сестёр – это как раз та область, в которой и я хотел знать далеко не всё.

К девяти – значит, без одной секунды девять.

Я вступаю в приёмную. Никого нет. Через секунду загорается большое зеленоватое табло: «Войдите» (на русском и английском).

Я, давно привыкший ничему не удивляться и уж тем более не проявлять чудеса тактичности (это всегда вылазило мне боком), вхожу в кабинет. За столом сидит обнажённый Барон, у него на коленях – раскоряченная нимфа Ёсико (с бесстрастным лицом). Барон сосёт у нее небольшую крепкую грудь и ничуть не смущается моим присутствием. Я видел и не такое, естественно, поэтому просто молчу. Публичный секс – это излюбленный способ Маркиза унижать людей, в упор «не замечая» их присутствия: он заставляет гостей

и друзей лицезреть интимные, интимнейшие подробности и тем самым низводит всех присутствующих до уровня лакеев или крепостных, до уровня лакированной кожаной мебели, до уровня плинтуса. «Не пристало барину стесняться грубых, неразвитых холопов», — сквозит в каждом его движении. Он, словно фараон, уверовавший в свою исключительность, просто не желает замечать никого вокруг, когда дело касается его удовольствия. Это принцип его идеологии и политики. Кажется, у него нет никаких секретов от окружающих, до того он органичен — однако берегитесь: Барон ничего не делает просто так. Вся его непосредственность продиктована далеко не безобидными умыслами, против которых вы всегда бессильны: в этом его настоящая исключительность, которую он по-настоящему ценит.

— Будешь? — он предлагает мне Ёсико, похлопывая её по заднице. Та не прекращает своих медленных круговых движений.

— Нет, — говорю я, уже в который раз отказываясь от сексуальных подношений с барского стола, который частенько служит ложем.

— А что так? — любопытствует Барон, без церемоний заставляя даму менять позу и ритм.

— Мне хватает Алисы. Ты же знаешь.

Он смеётся, давая понять японке, что желает сию же секунду перейти к минету. Та исполняет всё без лишних движений, активно и проворно. Барон блаженствует. А мне вид-

на вся её розоватая промежность.

– Вот сука, чувствует меня на клеточном уровне, а сама никогда не кончает, – говорит он о наложнице в третьем лице. Та словно не слышит его слов. Трудится прилежно, молчаливо, демонстрируя искусство устойчивого крещендо.

– Давай жопу, – хрипит уже Барон.

Ёсико опрокидывается на спину и раздвигает руками ягодицы. Маркиз почти с разбегу всаживает в неё свой подрагивающий клинок, после чего с самурайскими воплями начинает долбить её, как резиновую.

Закончив процедуру (как назвать её: секс раунд?), он набрасывает халат и утомлённо присаживается в кресло, ничего не комментируя.

– Так будешь или нет? – указывает он на Ёсико, которая сидит на столе в позе лотоса, готовая, очевидно, к любому продолжению делового утра.

– Нет, – говорю я. Меня выдают и предают хрипотца, двусмысленная пауза и совершенно неубедительный тон.

Барон улыбается. Делает вид, что доказательств моей слабости с него достаточно.

– Можешь попользоваться м...дой, я её не пялю туда, это не моя дырка, – говорит он. Ёсико не смотрит ни на меня, ни на него; она смотрит *в себя*.

Он делает знак, и она сползает со стола.

– Не люблю эту нацию и расу с желтизной, – говорит Барон, тыча пальцем ей в грудь. – Вроде бы, всё умеют, но жить

не умеют абсолютно. Нет таланта жить. Это мусорок, генетический мусор, однако.

Он вопросительно щурится на Ёсико, великолепно владеющую русским языком. Та стоит перед ним, слегка склонив голову набок.

– Чего тебе, п...доглазая? – нервно и при этом неуверенно говорит он. – Ах, да...

Он выдвигает ящик стола (уверен: всё у него с секретами, просто так этот ящичек человеку с улицы не вскрыть), запускает туда ладонь и достаёт нечто, напоминающее пастилку. Подносит к лицу Ёсико. Та послушно открывает рот. Он кладёт ей в рот пастилку, как галчонку, и захлопывает его, поддев ладонью нижнюю челюсть. После чего теряет к ней всякий интерес. Ёсико выходит из кабинета. Я с трудом отрываю взгляд от её подрагивающей задницы, упругой и гладкой.

– Зря ты её не захотел, ещё свежая, очень даже ничего, – говорит он. – И умеет двигаться, умеет ворошить нутром, умеет манипулировать членом, освоила все эти восточные блядские штучки. Ценная шлюха. Тантрическая. С виду не скажешь. Я её министрам часто подкладываю. Никто не жалуется. А вот насчёт Алисы ты п...дишь...

Я насторожился. У нас молчаливый уговор, своего рода пакт о ненападении: мы с ним женаты на сёстрах-близняшках, Алисе и Венере, и интимную жизнь своих жён никогда не обсуждаем. Но Барон делает вид, что сию минуту ничего

не знает о существовании договора. Он что-то задумал. Точнее, что-то уже предпринял. Омерзительный Адольф.

– Моя жена Венера знает и о Ёсико, и обо всех других шлюшках, посещающих этот кабинет. Она бывает здесь вместе с ними. И делает то же, что и они. При этом дает этим блядам фору. Чем твоя жена лучше моей? Она такая же, из такого же теста.

Что-то случилось. Раньше Барон никогда бы не позволил себе разговор со мной в таком тоне, и не потому, что щадил мои чувства (для этой акулы и рептилии чужие чувства – или кровавый раздражитель, лакомая слабость, или пустой звук); здесь всё гораздо серьезнее: ему было невыгодно обижать и унижать меня. Я ему был нужен, очень нужен. Поэтому он играл на моих чувствах – делал вид, что уважает их, на самом деле презирая.

Что же произошло?

Почему он сменил тон, вернее, почему позволил себе не скрывать то, что до сих пор считал нужным скрывать?

– Что ты хочешь сказать, Барон?

Он позволяет себе философское отступление. (Позволю его себе и я, причём, прежде, нежели начнёт Веня. Он и держит меня, собственно, ради философских отступлений. Я для него – отступление, отклонение, излишество. Зачем, спрашивается, мне представлена была секс-сессия с Ёсико? Пока он был с ней, это был монолог как способ самовыражения (Ёсико он не рассматривал как субъект сознания); ко-

гда появился я (пусть и по его воле), монолог превратился в диалог. И мой сексуально озабоченный визави сообщал мне следующее: ты, конечно, вправе считать меня скотиной, но я настаиваю: мне нечего скрывать ни от тебя, ни от кого бы то ни было мои отношения с женщинами – и вовсе не потому, что я плохо воспитан, а потому, что умному человеку здесь нечего скрывать. Прятать от посторонних взгляд секс – то же самое, что требовать от человека закрывать своё тело. Это глупый запрет, и жизнь это доказала. Сегодня люди без риска дать пощёчину общественному вкусу могут позволить себе разгуливать по площадям и пляжам почти обнажёнными – и что? И ничего. Скоро секс станет таким же обыденным делом, как и обнажённая грудь на пляже. Моя вина лишь в том, что я впереди планеты всей на шаг. Так подтягивайтесь, массы.)

– Запомни: меня раздражают в жизни две вещи. Первое: любовь. Раздражает невероятно. Если она существует, то я действительно (готов допустить это – чисто теоретически) могу напоминать скотину. Второе: наличие в мире информации, относящейся к человеку, которую я, якобы, неспособен понять. Если такая информация порядка философского присутствует, то я априори превращаюсь в клоуна. Я, сука, не клоун.

Следовательно, любви нет, и нет истины, которая мне не по силам. Это моё кредо, как тебе известно. Ты – единственный человек, который живёт ради любви и ради истины (или

делает вид, что живёт ради них; но если это так, если ты хоть на волос лицемеришь, то ты об этом жестко пожалеешь: я распотрошу тебя на молекулы, а с Алисой твоей сделаю такое, чего не могло себе вообразить самое извращенное воображение самого развратного из людей; и поделом, это будет твоя вина, твой грех). Я держу тебя при себе за твою уникальность. Ты дышишь только потому, что дышишь не лёгкими, как все, а какими-то жабрами. По-моему, клоун именно ты.

– Я не уловил твою мысль, Барон. (Хотя я, конечно, уловил её ещё до того, как он раскрыл рот.)

– Я хочу сказать, что пер твою жену так же, как вот эту масяню на твоих глазах. И в рот, и в жопу.

Бессмысленно гадать, правду говорит он или нет. Ни один детектор лжи в мире не уличит его. Рептилия не знает, что такое врать или не врать. Она пожирает для того, чтобы не пожирали её.

– Я тебе, конечно, не верю.

– А вот это уже твои проблемы.

– Хорошо. Допустим. Но зачем ты это сделал?

– Подопытному кролику отныне будут предлагать другую капусту. Ты меня стал раздражать своей принципиальностью сумасшедшего. Мы ускорим эксперимент. И я тебя переиграю.

Одно из двух: либо он меня пугает, как было уже не раз, либо, что гораздо хуже, он решил, что пора принимать реше-

ние, – решил покончить со мной как с гуманитарным проектом. Очевидно, случилось что-то непредвиденное. Возникла новая конфигурация обстоятельств.

– Хорошо, Веня. Ты меня можешь растоптать. Пусть я содохну. Но ты не будешь уже держать на ладони всю вселенную, словно жемчужину, ты не будешь уже властелином всего. Ты чувствуешь, что я где-то прав, и моя гибель станет твоим поражением. Сегодня, во время эпохи диктатуры натуры, ты всемогущ. Ты – Великий Диктатор. Но если всё же возможна диктатура культуры, то неизбежно наступит другая эпоха, и ты превратишься уже не в скотину и клоуна – ты станешь никем. Кто был всем – станет никем. Это даже не трагично, это просто смешно. Если ты уверен, что эпоха культуры не наступит никогда, то можешь избавиться от меня сию секунду.

А если не уверен... Кроме меня, тебе никто не поможет разобраться с тем, что такое культура. Я тебе нужен больше, чем ты – мне.

– Пошёл на х..., – властно сказал Веня.

Но я-то знал, что это капитуляция: больше ему сказать было нечего.

– Время, к сожалению, летит слишком быстро, поэтому мы, к счастью, скоро увидимся, – сказал я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

6

6.1.

За что бы я поставил памятник себе?

А ни за что. Просто так. Пусть стоит. Назлю Алисе.

Проект памятника давно созрел в моём воображении. Представьте себе: статуя в виде мускулистого атлета с лицом, явно напоминающим ушастую луну. На ладони правой руки я держу фигурку Фантомаса (даже микрофаллос имеется, даже головка члена обнажена), готовый в любую секунду прихлопнуть и раздавить его, как лысую муху.

Как доказать Алисе, что этот памятник воздвигнут именно в мою честь?

Придётся прибегнуть к интимным подробностям, которые, кроме неё, надеюсь, никто не заметит. Да, да, всё те же вечные шифры и коды, как же без них в художественном послании. Итак...

Пальцы на ладони левой руки... В общем, они сложены в такой замысловатый бутон, что Алиса всё поймёт. Это имеет отношение к технике нашего секса. Кроме того, на туловище памятника присутствуют все девять моих родинок, расположенных замысловатой полосой от сердца – на спину (копия

созвездия Скорпиона! я мог бы демонстрировать этот фрагмент звёздной карты всем желающим, и зарабатывать себе на жизнь особенностями своего тела, как это делают уродцы или красавицы); кроме того, обозначен засос в том месте, где оставила его однажды пьяненькая Алиса. Чего ж вам больше?

Памятник, на первый взгляд, был незаслужен, но официальная формулировка бы гласила: от благодарного человечества – за вклад в дело культурного строительства.

Сам я разумею под этим следующее.

Однажды к нам в гости (мы с Алисой были женаты уже девять месяцев) пришла блестящая пара: её сестра Венера с верным спутником Веней Гербицитом, с которым они жили в гражданском браке. Мы недавно справили новоселье и всё ещё находились в возбуждённом состоянии: первые жизненные успехи всегда окрыляют.

Наша квартирка Венере понравилась своим изысканным аскетизмом (в небольшой квартире – много пространства), а Веня неопределённо хмыкнул. Он был при деньгах, дела его шли в гору, поэтому двух-трёхкомнатные лачуги в большом городе даже не рассматривал как жильё. Так, место для свиданий, не более того. Он присмотрел себе загородный дом, и, вероятно, достраивал в мечтах своих дворцовый ансамбль.

Веня к тому времени меня уже изрядно раздражал. Он напускал на себя важность, окружал себя информационным туманом, любил говорить загадками и намёками. Короче гово-

ря, лепил из себя легенду с помощью мифов. «Деньги партии» была его излюбленная тема.

– Николай Ефимович Кручина, заместитель Жоры Павлова, управляющего делами ЦК КПСС, как-то сказал: «Если и я, как Павлов, выпадну вдруг из окна, то это будет не самоубийство». И вскоре выпал из окна, как и его босс. Старику было 83 года. Он знал, что говорил. А ведь эти летающие члены партии выдали деньги самым проверенным людям, под расписочку, персонально. И где эти деньги?

Веня кривил лицо, на котором не было ни морщинки: мол, таким, как ты, этого не узнать никогда. А потом продолжал, обрабатывая пилочкой ногти (пилочку в футлярчике носил с собой всегда), что позволяло ему даже не смотреть на собеседника:

– Знаешь ли ты, на какие деньги зажигаются сегодняшние звёзды культуры? Не знаешь? Лучше тебе этого не знать. За каждой звездой, особенно в шоу-бизнесе, маячат грязные, кровавые деньги. Ты хочешь спросить, чиста ли у меня совесть?

Я ни о чём не спрашивал, однако Веня был уверен, что заданный им вопрос вертится у меня на языке и буквально лишает меня покоя. Он считал себя изумительно проницательным и общался с публикой с галёрки снисходительно, словно Шерлок Холмс с каким-нибудь доктором Ватсоном. Словно посвящённый – с дилетантом.

– Моя совесть грязна до предела, как и у всех лидеров.

Совесть чиста только у тех, кто ею не пользуется. Поэтому моя грязная совесть – чиста. У меня нет к себе претензий. Я сплю спокойно.

После своего фюрерского спича (а с монолога в таком духе начиналась каждая наша встреча) он, обозначив своё превосходство, требовал себе водки.

В этот раз было то же самое. Венера сказала, что они практически сговорились в цене с хозяевами, и скоро будут переезжать в особняк за город.

– Будем заниматься огородом, будем капусту сажать, – добавила она, в стиле бурного возражения явно напрашиваясь на комплимент: дескать, куда вам, таким энергичным и деловым, ковыряться в огороде, зарывать себя в земле, вам бы с вашим пропеллером в одном месте горы сворачивать, пустыни озеленять. Строить гнивающий коммунизм или процветающий капитализм. Что-нибудь планетарного масштаба.

– Настоящий лидер сражается за истину, а не за первое место. Первое место – преходяще, истина вечна. Настоящие чемпионы стимулов не утрачивают, даже если им покорились все вершины. Даже по несколько раз. Их подпирают другие чемпионы, которые могут достичь еще большего. Берегись того, кто принялся выращивать капусту. Бывших чемпионов не бывает, – угрожающе изрёк Веня, потянувшись в карман, очевидно, за пилкой.

– Да будет тебе жужжать, – отмахнулась от него Венера,

как от трудолюбивого трутня.

Но Веня достал из кармана не пилку, а ключи от машины.
– Сейчас я принесу вам свой подарок, – таинственно заявил он.

И пошёл за ним.

Почему нельзя было принести сразу?

Нет же, всё надо обставить, как в театре. С прологом, кульминацией и эпилогом. И вешалкой. Которая начинается с буфета.

– А мой подарок будет потом, – сказала Венера. – Мы обсудим его с Алисой, правда, сестричка?

Сёстры удалились в одну из трёх наших комнат, и мне, хозяину, проявляющему гостеприимство, пришлось дожидаться Веню. Я был почти уверен, что он подарит мне щенка или черепаху. Дело в том, что в своё время я подарил ему кота – Марсика (чета мечтала завести у себя пушистую пумпу-сю; может, потому, что не было детей?). Теперь долг будет платежом красен, то бишь догом: Веня непременно сделает симметричный ответ, только с оригинальным отклонением. Я давно заметил: он мыслит в рамках заданной парадигмы. Вся его самобытность – это оригинальность аранжировщика, а не творца. Он не способен создавать, он способен лишь варьировать по заданным лекалам (сам того не осознавая). Я уже принялся обдумывать, кому пристроить трогательную живность (сам я небольшой любитель разводить у себя в доме флору и фауну).

Может быть, Васе Сахару предложить, соседу, садовнику из Зеленстроя?

Веня вернулся скоро. В руках у него был большой плоский прямоугольный свёрток, напоминающий упакованную столешницу или мольберт. Портрет Марсика? Это уже асимметрично.

Поскольку дар предназначался мне, я вынужден был поинтересоваться, стараясь придать унылому вопросу интонации восклицания. У меня получилось с завыванием, как у собаки, томимой предчувствием:

– Что это? (О-э-о-о?)

В ответ, разумеется, прозвучало поучительное молчание: мол, не торопись коза в лес, все волки твоими будут.

Это была картина. Веня молча содрал упаковку и дал мне возможность насладиться первым впечатлением.

Дорогой багет обрамлял холст (масло), который только условно можно было назвать картиной. Вначале на чувства зрителя обрушивался тревожный фиолетовый фон, ядовитым туманом наползавший из всех четырёх углов. На меня давил фрагмент космоса, бесконечность которого была передана с гениальностью шизофреника. Когда я стряхнул первое оцепенение, то разглядел огромный циферблат часов, чёрный обод которого представлял собой не законченный круг, а круг разорванный, который лентой Мёбиуса ввинчивался в бесконечное тёмное пространство, сужающееся до ослепительно светлой точки. Это был композиционный

центр картины. Стрелки странных часов расплавились под воздействием голубого свечения, остались только обрубленные черенки, обречённо тянувшиеся к цифре 9. Время пожиралось пространством, всасывалось в спираль-воронку – и это ощущалось просто физически. Я, впитывая жар голубого свечения, не мог оторвать глаз от светлой точки, слепившей меня и забиравшей волю. Вдруг меня тоже потащило по спирали в этот раскалённый омут неодолимым притяжением, я пытался руками зацепиться за гладкий пол – но в ту же секунду потерял сознание.

Когда я раскрыл веки, белая точка расширилась, зашевелилась – и из неё сформировался облик Алисы. Я сразу же поймал своими глазами её зрачки, вцепился в них и только после этого успокоился.

– Что со мной?

– Ты упал в обморок на девять-десять секунд, не больше. Всё в порядке.

– Где я?

– Платоша, ты у себя дома. Ты меня пугаешь. Что случилось?

Я не мог объяснить, что случилось. У меня возникло впечатление, что моя защитная оболочка (которая, оказывается, у меня была, но о которой я не подозревал), моя треклятая аура треснула, разорвалась, и внутрь моего тела-души проникла стая демонов, расположившись в каких-то пещерах, закоулках, в бесчисленных сотах, о существовании которых

я и не подозревал. Я дышал, работая лёгкими, и ощущал сотовую – невесомую, пористую – структуру своего существа. Я нащупывал в себе бездонный объём, парадоксально заполненный информационной тяжестью, свинцовым сгустком картинок и впечатлений, которыми я был накачан там, в той части галактики, где господствовала светлая точка. Где я побывал?

Это сложно выразить, не впадая в маразм. Об этом, как правило, молчат (кому хочется выглядеть умалишённым?). Я упал в обморок ещё непуганым молодым человеком, а пришел в себя уже почти зрелым мужем, в глазах которого угадывалась спираль того самого разорванного циферблата.

И за это время – девять секунд! – я узрел во всех подробностях то, что в изумлении разглядываю всю оставшуюся жизнь...

В общем, всё это изложено в романе.

Почему, кстати, в романе?

А потому что фактически изложенное в нем является правдой, а юридически – вымыслом. Меня такое положение вещей по многим причинам устраивает. В частности, по такой причине (а проговорюсь, устрою-ка утечку информации). Структурный принцип романа, воплощающий формулы «капли океана» (эпизоды как моменты целого) и «матрешки» (одна история внутри другой), отражает не только структуру личности, сознания, но и саму структуру вселенной. Роман рождается и развивается так, как рождается, раз-

живается и деградирует вселенная. Это моя безумная версия.

Роман – модель атома.

Роман – модель ДНК.

Роман – модель сознания.

Роман – модель Вселенной.

Чем не информационный пир горой!

А еще по каким причинам, а еще почему?

Тем, кто дочитал роман до этой строчки, кто, видимо, также принадлежит к породе заколдованных, а иначе сказать, приговоренных добираться до сути вещей, им, этим странным людям, надеюсь, мало-помалу становится понятно, что вовремя и с тонким умыслом ввинченное «почему» может превращаться в форму идиотизма.

Иногда лучше оставлять вопрос без ответа.

Так понятнее.

Рядом гудел Веня. Он требовал водки. Говорил, что картина называется «Время», автор неизвестен (подпись искусно замазана, завуалирована под облачко космического тумана). Как живопись это не ахти (знакомый художник просветил); а вот как элемент интерьера, как философски нагруженная иконка, вполне может подойти для моего кабинета, где витает эвристическая энергетика. Последний писк моды. Тем более для такого умища, как у меня.

Моё состояние Алиса объяснила гостям переутомлением: накануне я много работал над монографией под кодовым на-

званием «Ad astra». А картину мы с благодарностью принимаем.

Обычный мир, не меняя своих параметров, окружал и оболакивал меня. Однако проникшее в меня новое знание уже не отпускало, напоминало о себе неприятной тяжестью и тем самым пыталось управлять моим существом. Агрессивная природа нового знания не вызывала сомнений.

Конечно, памятник я заслуживал не за это. Тогда ещё я не помышлял ни о каком памятнике. Но без этого кратковременного *улёта* (вещего сна?) сама идея памятника даже не родилась бы. Я нажил себе беду, как в сказке, каким-то неосторожным движением души, и теперь мне предстояло избавиться от кощеевых чар.

Или, о чем сказки с обреченно счастливым концом предпочитают умалчивать, так и остаться навсегда заколдованным.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

7.1.

Потому что мне не понравилась его улыбка.

Не понравилась – и все тут. Гадкая. До ушей. Больших. Наполовину закрытых волосами. Грязными. Которые он то и дело взрыхлял тонкими пальцами. С траурной каймой под ногтями.

Тьфу три раза – не моя зараза...

Этот итальянец, подозрительно напоминавший цыгана, считал себя Астрологом. Это был лучший в мире предсказатель. Он с пугающей точностью и простотой предрекал катастрофы, аварии, цунами, казалось, насквозь видел человека.

Веня выписал его из Венеции.

Он беспрестанно лопотал, как мне казалось, на ломаном итальянском. Любое свое действие он сопровождал нескончаемым комментарием.

Само по себе лопотание могло бы выглядеть и смешным; но когда под это словесное журчание он угадывал все подряд, звуковая аранжировка становилась неотъемлемой частью ритуала – слегка нагоняла священный трепет.

Астролог указал на сосну, на которой недавно болтался

Аспирин; он указал на его могилу; угадал, в каком укромном уголку располагается кладбище Марсиков; подробно описал венечкино прошлое (чем, собственно, и завоевал расположение Босса); где надо – преклонил колени, поджал хвост, а где и напустил пафосу.

– Знакомься, – сказал мне Веня, представляя вещуна из Венеции. – Астролог.

– А это Платон, – небрежный жест в мою сторону.

Астролог протянул мне руку и, видя, что я не спешу его приветствовать, дал волю языку, всячески помогая себе жестикуляцией. Рукам и пальцам нашлась работа. Глаза его при этом, маленькие белые блюдца с маслинами посередине, вращались не переставая.

– Ты не рад знакомству? – спросил Веня под ломано-итальянский аккомпанемент.

– Не рад.

– Почему?

– Потому что мне не нравится его улыбка.

– А что, собственно, не так?

– Прорицатель и при этом плохой человек – это гремучая смесь. Агент черных сил.

– Да ладно. Забавный малый. Живчик.

Было ясно, что Вене важен сам факт контакта этого «живчика» со мной, объектом и носителем информации; и чем дольше Астролог пребывает в моем обществе, тем больше у него шансов вывести обо мне то, что интересуется Барона.

Видимо, Веня всерьез принимался за меня.

– Но, но, но, – между тем заверещал иностранец на повышенных тонах.

– В чем проблема? – спросил Веня так, будто он всю жизнь думал и говорил исключительно по-итальянски.

– Это не он, это не он! – подытожил Астролог по-русски с явным румынским акцентом.

– Уверен?

– Конечно, о, конечно! Абсолютно!

Никто не спешил мне ничего объяснять, а я считал ниже своего достоинства требовать объяснений у столь сомнительной публики, которая нагло мною интересовалась.

– Все хорошо, все хорошо! – сделал ладошкой жест одобрения и одновременно отстранения забавный малый, улыбаясь мне.

– Да пошел ты, – сказал я.

Веня потерял ко мне всякий интерес.

Так я познакомился с Астрологом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

8

8.1.

Осень. Вечер. Прохладно.

На глазах созревает, наливается спелым золотым цветом полная луна. Она в дымке – то ли прячется от любопытных взоров (которые сама же и притягивает), принимая очертания светлого облака, то ли кокетничает, размашисто прикрываясь белой газовой косыночкой.

Так или иначе, полная луна становится символом муторной мути, царящей в жизни вообще и на душе отдельно взятого меня.

Кажется, пора объяснить кое-что из того, что я сам пока ещё понимаю.

В девятисекундном ролике (я о своём роковом обмороке) я прожил целую жизнь, и я отношусь к ней как к реальной жизни, которая по каким-то причинам пока ещё не состоялась. Или состоялась, промелькнув двадцать пятым кадром в сознании всех её участников, – поди докажи.

Так или иначе, у меня нет сомнений в её подлинности и реальности. Она либо была, либо будет, либо уже начинается. И на Алису, и на Веню, и на Венеру, и на *себя* я смотрю.

рю как на людей, с которыми прожил (проживаю?) ту самую невероятную жизнь.

И это не мешает мне воспринимать их живыми здесь и сейчас.

Что-нибудь понятно?

Итак, вот что я узнал о них «там» (как назвать то место, некий смысловой центр, Виртуальный Институт Вероятностей, которого нет на известных людям картах и где сосредоточены – кишмя кишат! – реальные варианты судьбоносных поворотов событий, что случаются в жёсткой причинно-следственной сцепке лишь однажды, превращаясь в окаменевшую историю, которая, по наивному убеждению жителей Земли, не знает сослагательного наклонения (слишком часто остроумное, но неглубокое замечание, брошенное мимоходом, становится убеждением миллионов?) – узнал то, что они сами о себе, возможно, не знают и не узнают никогда.

Сослагательное наклонение – мать реальности.

Действие предлагаемого повествования происходит в Беларуси, в лесах под Вилейкой, рядом с огромным Вилейским водохранилищем, искусственным озером, тянущимся в длину на 9 километров (кто не знает это место? его знают все). Это абсолютно точно, только не спрашивайте, почему именно там. Я расскажу о многих вещах и явлениях, разумно объяснить происхождение которых я не в состоянии.

Но это не значит, что их не было!

Они были – вот в чем проблема. Это даже не проблема –

это вызов разуму человеческому.

Буквально в дебрях лесов, в котловане, идеально круглом, словно полная луна, напоминающим кратер или вмятину от огромного пушечного ядра (от той же Луны, например), построен огромный Центр цивилизации (Це-це), практически городок, с именем Вени посередине (здание главной усадьбы исполнено в полузабытом стиле конструктивизма: напоминает летающую тарелку – так сказать, круг в круге, Центр в Центре) – по документам дурацки именуемое Дворец Натуры (про себя я называю этот бедлам Диктатура Натуры). Дэ-эН. Официальное название – ДН «Планета Плутон». Здесь бывает достаточно много гостей, которых доставляют исключительно по воздуху, на частных самолётах (рядом с Центром – сверхсовременный аэродром), так что дороги сюда по суше они не знают.

Чаще всего, это бывают нужные и весьма важные люди, которые прилетают по делам; однако почти всегда они становятся участниками экспериментов, о которых даже не догадываются. Каких экспериментов?

Если бы я в точности знал об этом, то меня в лучшем случае ждала бы участь невыездного Васи Сахара (от которого – печальным облаком воспоминаний – осталось несколько забавных легенд). В кругах здешней властной элиты я считаю себя человеком малоосведомлённым, с ушами погружённым, как и положено замороженному гению, в свой сегмент деятельности, и, конечно, неспособным на подвиг элементар-

ной систематизации – объять необъятное, охватить взором все структурные ячейки ДН (где, на взгляд постороннего, царит весёлый нестрашный хаос), представить себе Центр как целостный организм, работа которого подчинена определённой, тщательно законспирированной цели. Я считаюсь человеком не опасным, беззлобным, неамбициозным, который по капризу и слабости Босса незаслуженно занимает отчасти привилегированное положение, – чем-то вроде Марсика, только моя разновидность – сладкоговорящий кот-баюн. За глаза меня презрительно называют «Кот Платон». Меня побаиваются за то, что я пользуюсь уважением Барона, и не уважают за то, что я не стремлюсь использовать ниспосланный мне дар богов, то есть, своё влияние на него, в полной мере. Моё сомнительное бескорыстие раздражает, и, несмотря на то, что я не участвую в борьбе за власть, не лезу в дела, от меня рады были бы избавиться в любой момент – как от фактора риска. Положение моё сильным мирка сего представляется неустойчивым, и я, парадоксально наделённый статусом неприкосновенного, словно любимый шут, вызываю снисходительные улыбки, которые дурак должен принимать за доброжелательность.

Не уважают, презирают, ненавидят, побаиваются, не понимают (что вызывает некоторое уважение). Меня это вполне устраивает: положение моё – статус тёмной лошадки (всё-таки свояк самодура-босса, что ни говори) – в некотором смысле исключительно. Я один из немногих, у кого есть до-

ступ к телу Барона и кто при этом не контролируется спецслужбами (как шлюхи Вени, например). Мой роман с властью волнует мне кровь.

Я знаю и вижу многое из того, что не должен видеть и знать. Веня, не стесняясь и не опасаясь меня (очевидно, босс во многом разделяет отношение ко мне своей челяди – возможно, бессознательно программирует *такое* отношение: он всегда с удовольствием рад указать мне на моё скромное место в иерархии отношений в этом мире), выбалтывает мне топ-секреты пачками.

И действительно: что мне делать с этими секретами?

Я точно знаю: научное ядро ДН – система автономных лабораторий (только не знакомые друг с другом спецкураторы, подчинённые куратору Генеральному, ставленнику Барона, видят относительную взаимозависимость и взаимообусловленность исследований), где ведутся ничем не ограниченные эксперименты: разрабатываются новые технологии по всем магистральным направлениям современных знаний, поделённых на естественно-научный и гуманитарный блоки. Колоссальные исследования ведутся в области генной инженерии, на уровне ДНК; не забыт нано-уровень и информационные технологии; особый почет математике; в медицине, где активно используются наработки врачей Третьего рейха и японских нацистов – в частности, чудо-таблетки, местный продукт, содержат явный германо-японский компонент; в области психологии, где тайные разработки КГБ, связан-

ные с экстрасенсами, телепатией, ясновидением – давно уже не тайна; сама психология давно стала уже нейропсихологией; массмедиа, политехнологии – всё это также изучается в определённом ракурсе; наконец, создаются новые философии. Да, да, Шопенгауэру и не снилось: философии – на поток. Под прикрытием легальных исследований ведутся исключительно нелегальные. Проводятся бесконечные семинары для каких-то астрологов, шаманов, прорицателей – черт знает кого, вся экстрасенсорная муть и нечисть весьма даже жалуется ДН «ПП» – Plutos, как изволят выражаться иностранцы.

Словом, есть только видимость хаоса, за которой легко различается точка приложения всех сил цивилизации: человек, homo economicus (тело и душа человека, и – отдельно – интеллект), но не личность, homo sapiens; в проблему разумно-духовных технологий, в проблему духовного производства личности, не вкладывается ни цента.

Кстати, о деньгах...

Беларусь, как известно, – центр Европы. Но в ходу здесь не евро, а золотые червонцы, напоминающие отлитую луну. Так и говорят: эта танцовщица обойдется вам в девять лун. И лунатикам, то бишь олигархам, есть где потряхнуть мощной: к услугам гостей небольшой, однако исключительный по степени оснащённости специализированными методиками развлекательные центры, луна-парки (как правило, филиалы все тех же лабораторий). Все те, кто окружает Веню,

состоят клиентами банков, где на вклады набегают бешеные проценты. На одну луну – пол-луны годовых.

Есть даже своё телевидение, которое благопристойно популяризирует деятельность ДН. И его зрители, не подозревая об этом, становятся участниками экспериментов.

И все это обустроено на деньги Венички, который, выражаясь пафосно-деревяннo, не верит в духовные возможности человека (личности); однако, чтобы придать своей вере философскую легитимность, Босс согласился поставить всемирно-исторический эксперимент, который, к тому же, он воспринимает как турнир, приносящий ему немалое удовольствие, ибо победитель заранее известен.

Это версия, в которую должен верить я, главный участник всемирно-исторического эксперимента. Какие цели на самом деле преследует Веня с помощью ДН ПП, я могу только догадываться.

Моя проблема в том, что я – догадываюсь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

9

9.2.

Когда я почувствовал, что в моей жизни на правах полномочной хозяйки присутствует судьба?

Глупый человек не сможет разглядеть судьбы – в лучшем случае он увидит злой рок. Судьба не прячется, но она открывается тому, кто умеет понимать, кто воспользовался возможностью стать личностью. Только открыв для себя, насколько ты обложен законами со всех сторон, ты обретаешь реальную свободу, и от того, как ты распорядишься ею, и будет зависеть твоя судьба.

Иначе сказать, судьба всегда в твоих руках; однако от тебя требуется делать не то, что хочется, а то, что должно.

В этом и заключается суть творчества. Жизнетворчества. Удовлетворять самые неистовые желания в рамках несвободы – самое жалкое рабство, которое рядится в одежды своеволия и бунтарства. Жизнь такого человека не отбрасывает тень судьбы; он лишён судьбы, жизнь его имеет траекторию жалкого существования, которое имитирует линии судьбы.

Это и только это называется ирония судьбы: когда судьбы нет, а кажется, что – в избытке. Линий – хоть отбавляй.

Присутствие в своей жизни судьбы я ощутил тогда, когда понял, что я свободен; а почувствовал себя свободным тогда, когда близко познакомился с Веней; а с Веней я стал сближаться с того момента, когда он ткнул пальцем в серебряного скарабея и спросил: «Это что за насекомое?»

Мой вывод таков: у несвободного человека не может быть судьбы. Можно было бы сказать – всё начинается со свободы; но с чего начинается свобода?

Она начинается с отделения функций разума от функций психики. Ум – вот подлинная точка отсчёта в человеческом пространстве (пространстве физическом, социальном и ментальном). Если что-то и начинается для человека, то начинается всегда с качества ума.

Поэтому всё на свете проще, нежели могло показаться умным, но гораздо сложнее для понимания, чем это представляется дуракам.

Я помню стук судьбы в ворота моей обители. Тук-тук.

«Любовь, о которой столько говорят, в которую хочется верить, но редко удается увидеть в жизни, которая манит, словно клад искателей сокровищ, о которой знает каждый, но которая редко (так, чтобы только напомнить о себе, поманить, заставить поверить в то, что она существует) становится реальностью, – так вот любовь, как ни странно, есть на белом свете. Да, есть.

Почему же любовь – невидимка?

Все дело в том, что чувство любви дано пережить крупным личностям, удел которых не просто прожить жизнь, но – обрести судьбу. Те, кто испытали любовь, – знают, что такое судьба. Те, кого любовь обошла стороной, даже не подозревают, что они горестно, хотя и деликатно, осведомлены о присутствии в мире силы, называется которая «не судьба».

Вот в таких простых координатах проходит – пролетает! – жизнь человека.

Для любви необходимы венцы творения: умный мужчина и тонко чувствующая женщина. Всех остальных просят не беспокоиться по поводу любви. Существуют, в конце концов, секс, эротика, либидо – обойдетесь. Для продолжения рода стимулов достаточно.

И если женщина чувствует тонко, она рано или поздно, через общение с мужчиной, усваивает две библейских по значимости заповеди (которые и умный мужчина-то вырабатывает с величайшим трудом, и то – в пору зрелости): принимать умного и порядочного, следовательно, всегда в чем-то талантливого мужчину таким, каков он есть, гениальным и в то же время сложным и непонятным в общении (ни в коем случае не унижать его подгонкой под всеобщий аршинчик – не ожидать от него блестящих, как все дешевое, доблестей пустых рыцарей), и не навязывать ему своих проблем (не превращать его в инструмент решения своих проблем, заставляя испытывать чувство вины по поводу того, что он невольно обманывает ее ожидания). Принимать и не навяз-

зывать.

Надо окружать его заботой и стараться делать общение праздником, – то есть, поводом испытывать радость обоим. Не надо покушаться на свободу любимого мужчины, не надо бояться оставить его наедине со свободой, иначе он перестанет быть тем, кого нельзя не любить. Любовь – это искусство удерживать свободой. Не надо бояться избаловать его излишним вниманием: умного мужчину невозможно испортить любовью. А если мужчина раздражает вас тем, что он озабочен самопознанием, «самокопанием», недостаточно вас ценит...

Значит, не судьба. Любовь не состоялась. Мужчине не удалось пары. Он может испытывать безответную любовь – но это всего лишь отчаянное стремление к идеалу (что весьма смахивает на карикатуру на любовь).

А бывает, что и женщина не может найти себе достойного спутника – и тоже начинает испытывать безответные чувства к нему, тоскуя, в сущности, по идеалу. Она в принципе готова воспринять главные заповеди – но нет рядом того, кто это смог бы оценить. Увы...

Для умного мужчины любовь занимает место в ряду таких ценностей, как *истина, добро, красота* и производных от этого духовного и гносеологического корня сокровищ *свобода, творчество, счастье*. Любовь – это эмоционально-психологическая ипостась истины, свободы, творчества и счастья. Другими словами – результат работы одаренного чело-

века над собой, его духовный багаж, отлаженный строй мыслей и чувств.

Вот почему к умному мужчине надо тонко приспособляться – но ни в коем случае не узурпировать его культурные функции, его бремя и каторгу, через которые он приходит к вещам, излучающим духовное сияние. Зачем! Это путь к разрушению гармонии. Тонкая женщина это чувствует – что и делает ее мудрой, хотя и счастливо лишенной ума. Широта натуры мужчины (ум) и женщины (тонкость) должны быть сопоставимы. Тогда мужчина и женщина усиливают достоинства друг друга, чем делают понятие «широта натуры» практически беспредельным.

И это пугает: попробуйте-ка все время укрощать бесконечность.

Вы все еще хотите любви? Уже нет? Возможно, вы правы...

А вот умный мужчина и тонкая женщина всегда стремятся к любви, они рискуют, конечно, но не могут поступать иначе: это было бы неразумно.

Причем здесь весна, соловьи, удушливый аромат сирени и зашкаливающий пульс вкупе с потоотделением?

Все это может быть, конечно, началом подлинной любви, но само по себе является, скорее, ее суррогатом, общедоступной альтернативой.

Попробуйте написать рассказ о любви, не написав того, что я сейчас написал и что, конечно, в рассказ никак не по-

мещается, словно инородное тело в чуждую среду. Как любовь отталкивает разумное к ней отношение, но не может обойтись без него, так и рассказ органично не совместим с аналитикой, удалить которую, однако, можно только с «глубиной».

– Что это такое? – спросил Веня, небрежно распустив листки веером, что он обычно лихо проделывал с денежными купюрами.

– Это начало одной моей работы; продолжением стала моя жизнь, поэтому перед тобой только отрывок. Возможно, когда-нибудь завершу свой опус. А может, и нет. Во всяком случае, для этого необходимы такие стимулы, которые у меня сейчас отсутствуют. А что тебя так взволновало?

– Меня взволновало, как ты изволил выразиться, то, что в этой твоей галиматье для меня, живого человека из плоти и крови, в котором и страсти бушуют, и мысли водятся, – для меня нет места. Я читаю и чувствую, что это приговор таким, как я. Ты взял и сделал меня – походя, небрежно, без тени сомнения – человеком второго сорта. Этот бред твой философский – просто вызов мне. Ты меня презираешь?

– Да при чём здесь ты?

– Не увиливай от ответа. Если ты так думаешь, значит, презираешь меня. Я, да будет тебе известно, совершенно иначе смотрю на отношения между людьми, на отношения с женщинами.

– Ты имеешь полное право быть самым собой.

– Нет, нет, будь достоин того, что написал. Метишь в небожители – так не прикидывайся овцой. Не унижайся.

– Допустим, я мечу в небож-жители – именно потому и вынужден прикидываться овцой; тебе такое не приходило в голову?

– Ладно. Пусть. Такого унижения и оскорбления я ещё не переживал в своей жизни. Жил, жил как белый человек – и в один момент меня сделали чёрной костью. Быдлом.

– Я не собирался никого унижать или оскорблять; это вообще писано не для тебя.

– Дозволь слово молвить. Я не желаю тебе счастья или несчастья; я хочу пожелать тебе другого: чтобы то, о чём здесь написано, стало стержнем и принципом твоей жизни. По идее, ты не должен быть против – если ты, конечно, не врал, когда писал.

– Я не врал.

– Очень хорошо. А я желаю убедиться в своей правоте – желаю полюбоваться, как будешь ты раздавлен накликаемой катастрофой, ибо ты вызвал силы, которые лучше не будить... Давай заключим пари.

– Какое пари?

– Если ты прав, и я живу жизнь бессмысленную и ничтожную, то я готов пустить себе пулю в лоб. Я же планктон, верно? Ты – Платон, а я – планктон. А планктон измеряется не единицами. Счёт идёт на килограммы, тонны, кубические

метры, футы. Коэффициент IQ – это к таким, как ты; мои параметры – рост метр девяносто, вес девяносто девять килограммов. У безмозглой половины человечества еще проще: девяносто – шестьдесят – девяносто. Но если выяснится, что прав я, тогда пусть пуля, пущенная твоей рукой, проломит твой уникальный черепок.

– Как это выяснится, как, Веня?

– Это выяснится само собой. Через девять лет. Секундантом у нас будет судьба. Дама почтенная, с репутацией безупречной. Возражения есть, господа?

Так сказал человек, который, по-моему, не имел никакого представления ни о судьбе, ни о счастье, ни о любви.

Но самое замечательное заключалось отнюдь не в этом; самым удивительным было то, что я – без раздумий – согласился и принял это дикое пари.

Пока без комментариев.

Казалось, *он* сделает это легко (я почему-то думал о себе в третьем лице): даст уговорить себя, убедить, что любовь к Ней прошла, исчерпала себя. Сколько же можно мучиться!

Он был уверен, что этот фокус, если приложить некоторые усилия, пройдет с любой женщиной. Как змея меняет кожу, так и он обновит строй чувств. И два условно печальных ангелоида под белы ручки стройными ногами вперед вынесут Её светлый облик из врат его души. Прощай, моя любовь. Это было незабываемо, детка.

Здравствуй, новая надежда.

Не тут-то было. Беспользные уговоры с пошлым набором неотразимых аргументов уже смешили его, ибо он начинал понимать: эта кожа снимается вместе мясом.

Втайне изумляясь собственной невменяемости, он все больше и больше уважал себя, и обретал уверенность.

Именно катастрофа и петля вернули ему уверенность.

Он знал, что достоин любви вообще, Её любви в частности – как знал и то, что любви не будет.

Но с этим можно было жить. Можно.

Но вот стоило ли?

Именно в этот момент Веня бросил мне вызов, то самое треклятое пари.

Уже после того, как я принял его, я спросил:

«Веня, как я сделал предложение той женщине, с которой я сейчас живу и с которой собираюсь разводиться?»

«А ты не делал ей никакого предложения» (кривая загогулина).

«Каким же образом я оказался женат на ней?»

«Думаю, это она сделала тебе предложение. А почему ты спрашиваешь об этом меня?».

«Сам знаешь», – загадочно выразился я.

Слабость и ничто другое делает людей загадочными.

Загадочность – всего лишь способ защиты, неспособность принять ясность и определённость.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

1

1.2.

Итак, я пришел к себе в номер, положил на язык таблетку и запил ее водой. Я знал, как действует Венина таблетка: она усиливает, укрепляет состояния, в которых нуждается организм. Если хочется спать – ты выспишься наилучшим образом, отдохнёшь так, будто целый месяц провёл на Мальдивских Канарах. Если тебе нужно поработать мозгами, голова станет ясной, как божий день. Необходима активность физическая – тебе обзавидуются и Геракл, автор самого пикантного подвига в истории человечества. Желаешь снять похмелье – лучшего способа не найти: вмиг станешь трезвее трезвого.

Короче – действует избирательно, но всегда позитивно, обнаруживая слабые места и мобилизуя ресурсы организма для решения неотложных задач.

Вот почему каждое утро Веня был бодр и свеж, несмотря на регулярные оргии. И его приятели смотрели на его с большим уважением: в их глазах он давно уже приобрёл репутацию супермена.

Однажды после разудалой попойки с Веней, напоминавшей, как всегда, последний в мире шабаш, я проснулся в тёп-

лом предбаннике, один. В камине догорали дрова; вся компания перебралась в главный гостевой коттедж, а я остался (сознательно?) в роскошном банном комплексе, который располагался в стороне от других строений.

Сделав усилие, я принял сидячее положение на деревянной кровати, застланной какой-то кошмой. О прямохождении и речи быть не могло: до морса – вот он, рукой подать, – было не дотянуться. Минут десять провёл я в прострации. Голова раскалывалась и ныла, раскалывалась и ныла, чувство вины, растравленное стыдом, а также характерное для таких состояний запоздалое раскаивание (отсюда уже рукой подать до идеи наказания – до божественной протоидеи), набросились на меня как пираньи и образцово-показательно пожирали меня в назидание потомкам. (Зря, кстати: чужие ошибки не столько учат, сколько привлекают неразумных очевидцев.)

Было очевидно: я потерял над собой контроль. Сил сопротивляться «абсолютной нравственности» не было, и я старался быть распятым своими же руками достойно. Старался не поддаваться греху отчаяния.

Вдруг отворилась дверь – и вошёл свежий Веня, самый нежеланный свидетель дурацких мук моих (но он-то наверняка предвкушал зрелище, и просто не мог его пропустить). Вошёл, взглянул на меня и сказал: «Понятно».

Это прозвучало примерно так: он (я, то бишь) такой же, как все; он ничем не лучше других; он такой же слабак, ко-

торый мне в подмётки не годится. Лузер.

Стыд и раскаяние вновь показали мне свои длинные языки.

Но Веня на сей раз был великодушным палачом. Он достал пилюлю (где-то в поясе у него была вшита таблетница), разломил её надвое и подал мне.

– Что это?

– Цианид.

Впрочем, мне было всё равно. Вопрос я задал так, из вежливости, а также из чувства приличия: хотелось предстать перед хозяином не окончательной свиньёй.

Таблетку я проглотил (не помню, как).

Минут через десять («через девять, секунда в секунду», – заявил Веня) я переродился. Живая вода – просто парное молоко по сравнению с этим колдовским зельем.

Первое, что вернулось ко мне вместе с крепостью мышц, – чувство уверенности и отдельно чувство уважения к себе. Сразу два, нет, три чувства. Я отчётливо вспомнил всё, что было накануне, и обрёл почву под ногами: мне нечего было стесняться самого себя. Кажется, я относительно чистым выбрался из Содома и Гоморры (вопрос «а стоило ли появляться в этом вертепе?» был решён заблаговременно: стоило; так было надо). Я поблагодарил Веню (он лукаво улыбался), позвонил Алисе и стал раскланиваться с хозяином.

– Рекомендую уложить в постель Алису прямо сейчас.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я уже был в состоянии оберегать свою личную жизнь от любого нескромного вмешательства.

В этот момент в предбанник вошла Венера в чёрном купальнике (ёе сходство с Алисой заставило меня вздрогнуть и покраснеть), за ней – очень здоровая, белотелая девушка, идеальная натурщица для купальщицы, с выбритым лобком и молочными железами таких размеров, что их разводы напоминали мордашку упитанного младенца.

Веня сбросил с себя халат и указал на разногабаритных и разномастных спутниц – на то, что было тайным смыслом его слов. Впечатляло. Женщины смеялись.

– Присоединяйся, – сказал Фантомас.

– Оставайся, – по-свойски сказала Венера, не глядя на меня, но и не сбрасывая пока лоскутков купальника (кусочки обгоревшей ткани на смуглом теле). Она была в облике жгучей брюнетки, ногти её были выкрашены в чёрный цвет.

Во рту у меня пересохло. Венера не просто была похожа на Алису – она была страшно на неё похожа, была её двойником, и глаза прятала точно так же, как это делала бы Алиса. Здоровая девушка (работающая под псевдонимом Прасковья, как потом выяснилось) навалилась на меня и вдавила в кошму под визг, хохот и аплодисменты честной компании. Когда я выбрался из-под неё, хохот усилился: моё мужское достоинство – ракетносец, рвущийся в небеса – предстало их взорам во всей красе. Женщины аплодировали с особым чувством. Фантомас выжидающе улыбался.

Когда я выходил из предбанника, напоминавшего уютный банкетный зал и альков одновременно, Венера стояла уже обнажённой перед Прасковьей, к которой сзади козлом подбирался Барон. Моей особой, судя по всему, никто особо не интересовался. Их сознание уже было *изменено*.

Я устремился к Алисе. Мне так важно было обнаружить её в другом месте, убедиться, что она – это не Венера. (Это смешно, я знаю; но иногда ничего с собой не поделаешь, пока не убедишься в очевидном, не требующем никаких доказательств.)

Мы провели с ней в постели весь день. Нам было хорошо, просто замечательно, но мне никогда больше не хотелось повторять этот трюк с таблеткой. Было в нём что-то неестественное и стыдное – словно к нам с Алисой присоединился некто третий, благодаря которому мои сексуальные способности усиливались в невероятной степени. Я уже был не равен себе: в чём-то лучше, а в чём-то и хуже. Под воздействием этих микстур натура во мне стала перевешивать культуру. Кстати, не могу сказать, что Алиса была в полном и окончательном восторге; нам бывало и лучше, ох, как бывало; её, скорее, несколько раздражала моя «не моя» сила. Стоит ли быть сильнее, чем ты есть на самом деле? У чужой, взятой напрокат силы нет неистощимого резерва – твоей слабости, которая позволяет оживить культурный потенциал, то, что женщины ценят в мужчинах больше всего. Пьют таблетки лишь те, кто испытывает проблемы с разумом – кто не делает

его центром своей вселенной. Стимуляторы для мыслящего человека унижительны.

Вынужден вернуться к началу начал: во всём соблюдай меру.

Долгое время я таких таблеток не пробовал – впрочем, Веня и не предлагал. В тот раз он просто приоткрыл занавес, чтобы я мог оценить масштаб его могущества.

Он, как всегда, запугивал. Подавлял. Побеждал.

Он на самом деле был Великий Диктатор.

Вене-Дикт.

Итак, я проглотил таблетку...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

2

2.2.

«Когда Филя пришёл в себя (о нём, увы, нельзя было сказать «открыл глаза», ибо вместо глазных яблок и зрачков у него были пустые глазницы, прикрытые дрожащими веками), то первым делом попросил ручку (жестами) и, получив короткий толстый тёмно-синий карандаш, написал в приобретённой по такому случаю школьной тетрадке большими печатными буквами, вкривь и вкось: «УБЕЙТЕ МЕНЯ, БЛЯ БУДУ. ПОЖАЛУСТА. МАЛЮ».

Вместо этого его взбодрили, оживили и заставили говорить (под воздействием препаратов, сам Филя по доброй воле наотрез отказывался сообщать что-либо заботливому палачу Барону).

По поводу «говорить»...

Во рту у Фили шевелился только обрубок языка; по воле всемогущего Барона для важного свидетеля раздобыли специально для подобных случаев разработанную компьютерную установку, которая считывала гортанные мышечные импульсы и воспроизводила звуки русской речи – «разговаривала» подобием человеческого голоса, чем-то напоминав-

шим монотонную электронно-механическую воркотню пришельца (зелёного или фиолетового, как водится).

– Кто выколол тебе глаза? – был первый вопрос Босса.

Веки у Филя задёргались, тело напряглось, покрылось испариной и изрекло с модуляциями чревовещателя:

– Ведьма. Ведьма.

– Спокойно, Филя, расслабься – сказал Барон. – Как она выглядела?

Утробный голос бесстрастно сообщил:

– Красивая баба.

– Одета в чёрное, космы, клыки?

Филя отрицательно покачал головой:

– Сиськи и нежные пухлые руки.

– Этими руками тебе и выкололи глаза?

– Нет.

Филя вновь несогласно дернул головой.

– Чем же?

– Ничем.

– Поясни.

– Они просто взорвались. Лопнули, как воздушные шарики.

– Больно было? – сочувственно спросил Барон.

– Не знаю, – глупо сообщил чревовещатель.

– Так. О чём вы говорили?

Тело вновь напряглось и закрипело.

– Давай, Филя, давай. А то я тебе яйца отрежу.

– Их уже нет, – чёрный юмор неплохо сочетался с нечеловеческим спокойствием звуков.

– Когда это произошло, Филя?

– Секунду назад.

Встревоженный Барон распорядился. Филю тут же осмотрели (догадка больного полностью подтвердилась: он был лишён самого ценного по самое некуда, однако обошлось без вульгарного кровотечения – чудеса!) и обнесли его просторную комфортабельную кровать щитами, лучше сказать, специальным защитным экраном, ограждающим от излучений всякого рода, – получилась комната в комнате, квадрат в квадрате. Всё строго по космическим технологиям. Там-то, возле прямоугольной кровати, и продолжалась волнующая беседа.

– Филя, меня очень интересует вот этот бесконтактный способ общения, гм. Что говорила тебе ведьма? Я пришью тебе язык, восстановлю всё, Филя. Накуплю тебе лучших тёлочек на пять лет. Хорошо, продлю телок на десять. Только дай мне информацию. Такие свидетели, как ты, на вес золота.

– Я хочу Ведьму, – сказало то, что говорило вместо Филя.

– Которая отхватила тебе всё твоё хозяйство с языком впридачу?

– Да, – был звук.

– Филя, блядь, ты в своём уме?

– Да.

В этом месте Филя впервые улыбнулся – пустым чёрным

ртом и оскаленными зубами.

– Как она выглядела, твоя Ведьма? Голая?

– Нет. В вечернем платье. Светлые волосы, голубые глаза. Декольте. Пахнет духами.

– Какими?

Филя пожал плечами и опять улыбнулся во весь рот.

– Филя, скажи мне... Чего ты хочешь?

– Как говорил Вася, когда ещё был жив, прошу смерти.

– погоди, Филя. Мы же давно знаем друг друга. Всякое бывало. У нас есть шанс изменить историю. Давай, поможем друг другу. Я же чувствую: ты что-то знаешь.

– Они везде, – прочревовещал Филипп и перестал жить.

Толпой сбежались врачи (по знаку босса, разумеется, то бишь Босса). Бледная Фатима была под рукой.

– Что? Ну, что? – время от времени вскрикивал Барон, держась в стороне от остывающего тела.

– У него появился язык. И вырос исчезнувший член, – невозмутимо сказал Главный Доктор Яков Кобальт, который рассматривал всё с медицинской точки зрения. – Очень любопытно. Позвольте, я опять отрежу эти части тела? Я разоблачу эти фокусы с материей. Тысячи лет развития науки чего-то значат...

– Фатима! – то ли позвал, то ли спросил Барон, то ли наорал на Кобальта.

Она качала головой и быстро крестилась, после чего мусульманским жестом – лодочкой из ладошек – проводила по

лицу. Из ясновидящей она превратилась в затурканную бабу.

– Тьфу! – сказал Барон и направился в угол, обходя молодую медсестру. Резкий («неземной», отметились в сознании) запах духов заставил его обернуться в её сторону (он продолжал идти, а голова поворачивалась, не в силах оторваться взглядом от «неё»). Она смотрела на него голубыми глазами. У неё были роскошные светло-русые волосы. И явно не маленькая грудь.

Фантомас хотел раскрыть рот – но отчего-то не мог этого сделать: мышцы рта были парализованы.

– Не надо ничего говорить, – ясно различил он звук её голоса (хотя она стояла перед ним и улыбочиво молчала).

– Кто вы? – подумал он (обращение на «вы», да ещё мысленно, было первым за последние годы унижением).

– Ведьма, разве ты не видишь, – отчётливо раздалось у него в ушах (губы её не шевелились).

– У вас есть имя?

– Пожалуйста: Надежда.

– Это вы «опекали» (второе унижение подряд!) раба божьего Филиппа?

– Раба Филю? Нет, это была моя сестра-близняшка Вера. Только он не был божьим рабом.

– Чего вы от меня хотите? – мысленно послал он не тот вопрос, который хотел задать за секунду до этого. – Денег?

– Что ты! Мы не хотим от тебя абсолютно ничего. Ты всё делаешь правильно, строго в соответствии с инструкцией.

Мы с тобой в одной команде, одинаково служим – только не Богу, иному Господину, чтобы не называть Его имя всуе. Только ты здесь, на Земле, а мы – всё время рядом вращаемся, около... Ты ведь хотел спросить, чьим рабом был Филя, не так ли? Надеюсь, ты догадываешься, что и он к Богу не имел никакого отношения. Следовательно...

– Чем вы так пленили Филиппа?

– А чем я так пленяю тебя, когда ты овладеваешь мной в облике Венеры? Показать тебе родинку на попе?

Рот у Вени отмер, ожил, нижняя челюсть задвигалась, язык словно оттаял. Он оглянулся. Фатима по-прежнему пребывала в трансе, в отключке – она была временно отключена от своих сверхъестественных способностей. Надежда отошла от него и светлым пятном влилась в толпу белых халатов.

– Яков! – позвал он, скорее, для того, чтобы проверить, вернулся ли к нему голос. Голос вернулся. Доктор оказался рядом мгновенно. Всё возвращалось в привычную колею.

– Вы знаете, Барон, – сказал Яков с убедительной, практически пророческой одесской интонацией, – случай достаточно банальный. Мы имеем дело не с исчезновением материи, а с оптическим обманом. Язык никуда не исчезал, понимаете? Но вот феномен коллективного ослепления...

– Яша, давно у тебя служит голубоглазая медсестра? – он ни на секунду не терял из поля зрения роковую блондинку.

– У меня в штате нет голубоглазой медсестры.

– Вон та, стоит спиной к нам. Позови её.

– Таня! – окликнул Яков Кобальт.

Фигура Наденьки развернулась – и перед ними предстала девушка Таня, чем-то неуловимо похожая на Венеру. Темноглазая и темноволосая. С роскошным бюстом.

– Ясно, – процедил Барон. – Продолжайте заниматься делом.

– Мы забираем тело в морг, – то ли распоряжался, то ли советовался Доктор.

Барон сделал жест, который мог означать: делайте, что хотите, это ваше дело; только не забывайте о программе исследований, ради которой вас всех наняли. Спрос будет – за результат, а не за какое-то тело.

– Но пациент жив, – доложила Таня, мило улыбаясь.

– Жив? – брови Якова изобразили профессиональное удивление. – Что же, получается, мы кому прозевали? Но ведь пульса не было, сам проверял. Многовато загадок для одного трупа, – больного, если выразиться корректнее.

– Таню я на часок заберу, – бросил уже на ходу Барон.

Он не удивился, когда выяснилось, что она обожает в анал.

И стонала она, казалось, голосом Надежды.

Или Веры».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

3

3.2.

За моей бессмысленной репликой «жизнь отдам за сыро-мак» скрывалась полная растерянность. Хорошая мина при плохой игре. Чем меньше был я в себе уверен, тем увереннее хотелось выглядеть. Таков закон огрызающейся слабости.

Мои мысли, понукаемые возрастом и первыми жизненными неудачами, двигались вот в каком направлении.

«Москва слезам не верит» – присказка правильная; но в переводе на язык более глубоких смыслов она означает всего лишь «человек человеку волк». Вой себе на здоровье; слабому не верят, верят только сильному. Москва не слезам не верит, она плевать хотела на того, кто публично дает слабину. Будь сильным, а слабости оставь при себе. Будь волком. И тогда все остальные, вся Москва, соборно выражаясь, тебе поверят, то есть примут тебя как кремень-человека. Человек человеку волк. Логически доказано.

Ах, если бы так. Это была бы идиллия. На самом деле человек человеку волк в овечьей шкуре, волк поневоле, волк потому, что не сумел стать другом. Волк – зверь по отношению к себе: вот что страшно.

Человек человеку – проблема.

Я ощущал себя как проблему, с которой мне, и никому другому, предстояло что-то делать. Истребление иллюзий казалось мне путем, единственно достойным человека; но путь этот вел не к счастью, а к гибели. Разве катастрофа – это достойный личности финал?

Ума-разума не хватало, а интуиция подсказывала: Алиса вполне может стать твоим шансом; но ум, который я уже накопил, подсказывал: не слишком доверяй интуиции. Хотя все же доверяй...

Моя случайная жена (достоин сожаления человек, жена которого – дело случая, а не результат обретения себя) оказалась такой лютой и энергичной коброй, что я стал опасаться женщин вообще; меня возмущала беспринципность, которую жена моя возвела в ранг принципа. Чем хуже становились наши отношения, тем тоньше и деликатнее она вела себя в отношении с нашими друзьями, знакомыми и родственниками. Со мной она позволяла себе все, принцип «на войне как на войне», казалось, был жалким обобщением ее поведения; с другими она вела себя так, что «война» в отношении этой нежной особы всем казалась прямым изуверством. Другие в один голос говорили мне, что я лгу, когда я, доведенный до отчаяния, пытался открыть им глаза. Ты лишаешься сокровища, твердили они, ты отказываешься от своего счастья. При этом покачивали головами: дескать, как может мужчина унизиться до таких обвинений в адрес сво-

ей исключительно порядочной жены. Просто уму непостижимо.

Особенно преуспевали в покачивании головами женщины; однако Алиса казалась мне – я готов был поклясться в этом! – исключением из правил. Она казалась не женщиной – настолько она была другой женщиной; помимо воли своей я воспринимал Алису как образцовую женщину.

И все-таки она была женщиной. Между прочим, способной совершать глупости. Кто мог дать мне гарантию, что в ней не проснется кобра?

Вновь оказаться в дружном террариуме?

Здравый смысл подсказывал мне: держись от женщин, в том числе и от Алисы как прелестной представительницы этого племени, подальше.

Незрелый разум уклончиво намекал, что все на свете противоречиво.

Интуиция смело заявляла: потеряешь Алису – не найдешь себя.

Что я сказал, когда я сказал «жизнь отдам за сыромак»?

Я сделал ставку на интуицию.

Я знал, что я сделаю предложение Алисе.

Но я не готов был его делать.

В этот момент в моей жизни появилась (язык не поворачивается сказать «случайно появилась») еще одна женщина, Офелия Виноград, которая прельстила меня дотоле неизвестной мне сладкой заповедью: она принимала меня та-

ким, каким я был, не пытаюсь переделывать меня; более того, получая удовольствие от того, что я такой, какой я есть. Она была рядом – а присутствия ее не ощущалось; никаких обязательств, никакой несвободы, никаких женских прав на мужчину. У меня могла быть другая женщина – Офелия закрывала глаза, ибо Офелию устраивало то, что нравилось мне. Это был сказочный вариант. Для эгоиста, для «волка». А «волк», надо сказать, – это человек, которому не дано познать себя. «Волк» – это скотина, подзаборно выражаясь. Юный разум, правда, вновь порадовал коготком принципиальности – завел было свое о единстве противоположностей, но здравый смысл был несравненно старше и тверже.

Алиса – посланница из космоса; а Офелия – земная баба. «Синица в руках или журавль в небе?» – пытал здравый смысл.

Голова у меня пошла кругом. Вместо ответа в голове моей вертелся упрек неизвестно кому: ну, почему, почему принимать судьбоносное решение надо именно тогда, когда ты к этому готов меньше всего?

Из вихрей мироощущения родился компромисс: «Жениться следует тогда, – думал я, что я думаю, – когда уже знаешь, как поведет себя жена в случае развода. Еще до женитьбы желательно побыть с ней в процессе развода».

Я не знал, прав я или нет.

А когда не знаешь, начинаешь настаивать на том, что оказывается под рукой. Хватаешься за соломинку. Из страха пе-

ред разумом делаешь ставку исключительно на опыт.

Ведешь себя как сумасшедший.

Желаешь изо всех сил понравиться Москве. Коллективному бессознательному в себе.

Ибо не понимаешь: личность Москве не верит.

Личность-Европа не верит Москве-Азии.

Это, кстати, и называется завоевать Москву.

Когда ты перестал верить Москве, когда ты понял, что «Москва слезам не верит» есть глупость вселенская, афористически упакованная, тогда только ты завоевал Москву, вытравил ее из себя.

Правда, толку от этого никакого: к тому времени, когда ты поймешь это, тебе станет глубоко наплевать на тип отношений, столь любезный Москве, – ты с отвращением отвернешься от «завоевать», «слезам не верить», «подтолкнуть падающего», и сердце твое – чрез врата разума – откроется любви.

И больше нигде не ищи золота.

Вот и весь Дао.

Но в тот момент я еще не знал того, что откроется мне по прошествии Времени.

Я был в начале Пути.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

4

4.2.

Темнота.

Мефистофелевская ухмылка.

Откуда она взялась?

Из темноты.

Каждый раз после *вещего* (содержательного) сна я просыпался другим. В таком сне всегда что-то происходило. Я одновременно обогащался и что-то при этом утрачивал.

Однажды я проснулся и понял, что во сне опять я подвергся *информационной атаке* или, если угодно, погружению в *диалектический рассол*, после которого (погружения) умственное зрение мое изощрялось, и я видел природу вещей с разных ракурсов-уровней (с тех пор выражение «нет предела совершенству» я понимаю по-своему, сугубо в духе этого сна).

Меня (без метафор здесь не обойтись) словно перепрограммировали – и я почувствовал, что в принципе мог бы быть другим. Например, Веней. Жить иную жизнь, без Алисы, к примеру. Скажу смелее: я, Платон Скарабеев, обнаружил в себе задатки Офелии Виноград. Или *кого угодно*

еще. Я понял, что я – это не уникальная предопределенность существа как единственного и неповторимого; я – это комбинация вариантов, из которых на ходу вылепилась именно моя спираль ДНК, из чего следует: я вполне мог быть другим, и тоже считался бы я. На вполне законных основаниях. Тут дело в не в том, хочу сказать я, что ко мне в любой момент, пользуясь сном разума, способны «подселить», «подбросить» другого (ую), а в том, что во мне, в природе моей есть потенциал быть другим. Как у Протея. Ко мне не надо никого подбрасывать извне. Из моих собственных, условно говоря, «ребер» можно слепить другого. И химическая формула этого другого будет идентична моей. Ничего не изменится – только не станет меня. Духовная формула изменится. Появится другой – чужой, который, возможно, меня никогда не поймет и не примет. «Все люди – братья» мелочь по сравнению с осознанием того, что мы все едины суть и вследствие этого – враги непримиримые. Ведь я – это наиболее жизнеспособный вариант, воплотившаяся в жизнь вероятность, победившая во мне другие, ставшие угнетенными, я.

Вот почему я – это всегда результат войны и агрессии. Человек по глупости своей гордится своим я: я горжусь, что я кельт. Что я ариец. Что я негр. Китаец. Все это говорит лишь о том, что человек не может быть от рождения белым (черным) и пушистым: закваска натуры не позволяет. Но человек может сражаться с самим собой, с другими в себе – и пусть

выживает информационно наиболее совершенное в человеке. Это шанс для *диктатуры культуры*.

Это, казалось бы, бесполезное, академическое знание за чем-то пришло ко мне во сне.

Но практические следствия не замедлили сказаться. Вот это женское, мягкое бабье свойство, обнаруженное мужским умом в себе, усложнило картину мира, размыло ее, сделало как бы хаотичной и непредсказуемой – видимо, затем, чтобы доказать мне, во всем изрядно сомневающемуся, что держится все эта зыбкая картина мира на организации космической. Проснулся-то я *homo sapiens sapiens*. Мужчиной. Платоном Скарабеевым. И как бы я глубоко ни понимал кого-то, я мог быть только тем, кто я есть.

И все же... Я почувствовал, что могу почувствовать женщину. Могу понять женщину. Да что там: могу стать женщиной. Я, Платона...

Мефистофелевская ухмылка... Я увидел ее во сне или в зеркале?

Темнота.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

5

5.2.

Была Алиса с Бароном или не была?

Вот в чём вопрос.

Ах, если бы не сны. И если бы не поздние возвращения Алисы...

Стоп. Всё это враньё. Вопрос не в этом. Дело не в том, была Алиса с Бароном или нет (я был уверен в том, что не была, *пока ещё* не была); дело в том, что она в принципе могла меня обмануть в любой момент, в принципе могла с ним быть (я в этом также был уверен).

Вот в чём заключался вопрос.

Именно в этот момент я дико взревновал мою Алису к её бывшему мужу. Я же помнил *тот* карамельный вкус её губ, *то* её девственное, божественно недостижимое тело (я был счастлив, что оно недоступно мне: значит – никому!), обретавшее черты женственности только в соединении с чувством. Изредка проступавшая женственность (в интонациях, в жестах, в движениях) волновала особенно: в девушке сквозила великая женщина. Без чувства тело жило своей отдельной, тёмной жизнью. Как же могла она отдавать своё тело

чужому мужчине и получать при этом удовольствие?

Ну, как, не испытывая той любви, которую она испытывает сейчас ко мне, отдавалась она своему мужу?

Каждый вечер покорно расставляла ноги?

Испытывала оргазм?

А он имел право делать с ней всё, что захочет. Всё, буквально – всё.

Как я сейчас, когда она со мной. И по-прежнему – чиста?

Самое интересное заключалось в том, что я знал: она была чиста; но тело моё сопротивлялось этому моему знанию и заставляло воображение рисовать убедительнейшие сцены в самом что ни на есть реалистическом ключе, то есть с массой физиологических подробностей: я видел позы, ощущал запахи, слышал стоны.

Чтобы при этом остаться чистой, чтобы не отделять тело от чувства, она должна была любить. Или – запутаться в своих чувствах.

Её замужество, её готовность, и даже запрограммированность любить, любить кого-то, кроме меня, я воспринимал как предательство. То, что она была женщиной, я, мужчина, воспринимал как оскорбление.

И её замужество становилось унижающим меня (и я злился, уже не отличая здоровой злости на себя от нездоровой злости на неё) доказательством того, что она могла быть с Бароном.

Вроде бы, понятный мне, легко читаемый мною Барон су-

мел так взбаламутить мой внутренний мир, что я сначала испугался вот этой очевидности абсурда, а потом испугался лесной, дремучей мощи шевелящегося абсурда.

Я запутался в своих чувствах.

И Алиса, которая, на взгляд со стороны, жила-пребывала в гармонии с собой, словно большеглазая Красная Шапочка в логове хищников, стала раздражать меня своей уверенностью и спокойствием. Мне стало казаться, что уверенность в себе сегодняшней и в себе завтрашней – это маска, приросшая к лицу маска. Почему я ни в чём не уверен?

Неужели Барон прав?

Неужели все женщины одинаковы?

Неужели любви нет?

Неужели я всё придумал и цепляюсь за свою маску?

Неужели Барон во всём прав?

А?

В душе развёлся какой-то адский муравейник, живший по своим правилам, на которые я никак не мог повлиять, словно этот очаг возгорания или зона катастрофы были отделены от моей воли и сознания издевательски прозрачным, но непроницаемым экраном. Я испытал тот самый древний эффект катарсиса, который иногда называют *изменением сознания*. (На самом деле, как я пойму позднее, никакого изменения сознания не происходит; всё совершается проще и страшнее: сознание перестаёт функционировать как сознание, оно начинает работать в режиме психики, придавая логическую

легитимность неразберихе, которая возникает благодаря одновременно «включённым» разным мотивам поведения, которые, по цепочке, «включают» разнонаправленные чувства; иначе сказать, так называемое изменение сознания – это попросту отключение сознания. Ты видишь то, что хочешь видеть, а не то, что есть. Вот и всё.)

В общем, я напоминал человека, который начал с того, что обнаружил пятна на Солнце, а кончил тем, что само Солнце сделал приложением к пятнам.

И всё это происходило при свете сознания, при том, что называется в здравом уме и твёрдой памяти (и тут же, параллельно, возникало устойчивое чувство тревоги: чувства приветствуют не только сладость саморазрушения, но и противостоят саморазрушению, стоят на страже здравого смысла, коль скоро он в тебе есть).

Я стал вести себя как женщина: цеплялся к любой мелочи, чтобы привлечь ее внимания к себе, чтобы затеять очередное выяснение отношений, которое заканчивалось у нас слегка болезненным и пронзительным сексом. Да, да, секс как продолжение рокового поединка. Роковой поединок как форма любви.

Я очень хотел быть с Алисой – и в то же время моя новая маска заставляла её держаться на расстоянии. Воистину: и хочется, и колется. Се человек.

Это было очередное дежавю (что подозрительно напоминало закон жизни, закон возвращения при одновремен-

ном движении вперед): подобный кризис в отношениях, замешанный на моей ревности, мы, благодаря мне, испытали еще до женитьбы. Казалось бы, ревность прошла, раз и навсегда. Перегорела, истлела, обратилась в прах. Болезнь прошла, я приобрел иммунитет. Ничего подобного. Сейчас ревность-болезнь возвратилась – на новом витке, на новом уровне. С новой рецидивистской силой. И сколько таких уровней? Когда закончится эта спираль? Вместе с любовью?

Веня в тот период моей жизни держался определённой линии: при виде меня он загадочно и как бы понимающе улыбался. Всё это наводило меня на нехорошие мысли и заставляло видеть в Венe врага, который на каждом шагу плетёт заговоры и строит козни.

Я терял контроль над собой.

Однажды, когда я подходил к «дому» (комната № 117 Отеля «Плутон»), увидел перед собой Алису, идущую быстрым шагом. Она возвращалась раньше обычного. Я окликнул её. Она обернулась – и оказалась Венерой.

Все смешалось в моей голове. Мы вошли, я закрыл дверь и стал быстро и ловко раздеваться. Венера смотрела на меня с любопытством, но никак не дала понять, что не одобряет моих действий. Я воспринял это как поощрение сумасшествия. Я оставил на ней всю одежду, только бережно снял трусики (чтобы потом так же бережно водрузить их на место – чтобы никто ни о чем не догадался). Она смотрела с любопытством, не помогала мне, но и не мешала. При желании все

можно было понять так: во всем виноват я, а она не при чем.

Меня это только раззадорило, как преступника, который уже перешел запретную черту и отрезал себе путь назад, в некриминальное прошлое.

Я вошел в нее сзади, уперевшись во влажный мысик и тут же скользнув в опушенное лоно, и Венера чутко, по-женски отнеслась к моим прямолинейным мужским атакам: она неуловимыми движениями помогала мне, но это получалось у нее «из вежливости», отстраненно, словно она не разделяла моих вожделений, хотя и не хотела обидеть явным отказом. Мы были вместе, но не сливались воедино: градус ее прохладного интереса явно отставал от градуса моей преступной страсти. Я хватал ртом воздух, ее дыхание даже не сбилось. Не самая приятная картина для мужского самолюбия.

Она оставляла меня наедине с моим сомнительным блаженством и моей несомненной виной.

Мотивы ее поведения так и остались не ясны мне. Она ободряюще погладила меня по щеке, дескать, ничего страшного не произошло. Трусики надела аккуратно и внимательно, совершенно не стесняясь моим присутствием. Уже в дверях сказала:

– Не дай бог Веня узнает о твоей шалости. Но ведь он не узнает, верно?

И закрыла за собой дверь, потеряв ко мне всякий интерес. Жуткий страх буквально окольцевал мое сердце стальны-

ми пластинами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

6

6.2.

– Почему мы стали платить за жилье в два раза меньше? – спросил я у Алисы, изучая пришедшую по почте квитанцию. – С каких это пор жизнь стала дешевле?

– Не знаю, – беспечно ответила она. – Хотела вот тебя попросить: сходи в ЖЭС, узнай в чем дело. Возможно, какая-то ошибка. Насчитают потом кругленькую сумму и сделают нам дыру в бюджете. А нам дыры ни к чему.

Алиса рада была загрузить меня всякого рода мелкими поручениями, чтобы отвлечь меня от впечатлений, которые я получил во время визита к нам Вени с Венерой. Алиса считала, что я сильно переменялся с тех пор: мои глаза стали смотреть «в себя», как она выражалась.

– Ты смотришь на меня, а любишь собой или разговариваешь с собой. Разве нет?

Возможно, она была права. Со мной что-то происходило. Ко мне, в мой внутренний мир словно подселили какого-то страшно законспирированного диверсанта. Я чувствовал, что придавлен внутренней тенью (последствия улёта и ушиба, несомненно). Постепенно тень разбавилась све-

том, рассеялась, но не исчезла совсем. Я так и ходил – оттененный, тронутый тенью, что, конечно, отражалось в моих глазах, походке, осанке. Мой светлый контур был обведен угольно-траурной ретушью.

Я, к счастью, не испытал на собственной шкуре, что такое рак, но мне казалось, что точнее всего мои ощущения можно описать как предчувствие вызревающих метастазов. Они еще не поразили меня, не расплзлись во мне роковыми корневищами-молниями, но уже копили разрушительный заряд, готовясь к решающей атаке. (Тьфу-тьфу-тьфу! Не накаркать бы рак. Я вынужден был признаться себе, что стал суеверен, чего раньше за мной не наблюдалось; даже не так: приписать себе суеверие, значило бы заниматься самообманом; моя чувствительность к информации, как бы это сказать, запредельной по отношению к человеческим возможностям обострилась настолько, что явно стала интересоваться мою интуицию. Улёт. Тьфу-тьфу-тьфу!)

Чтобы успокоить Алису, а заодно и себя, я охотно брался за любые поручения: так проще всего было сконцентрироваться на пустяке и отвлечься от метастазов. Я как раз собирался идти в магазин (сыр, перец, чай, к чаю); решил, что по пути зайду в ЖЭС.

Зашел. Вежливо поинтересовался, почему мы, я и жена, стали платить за жилье в два раза меньше.

– Меньше? за жилье? – округлила и без того круглые, да еще в круглой оправе очков глаза барышня, напоминающая

вечно бодрую сову. На бэджике, криво посаженном на блузу, было указано: старший менеджер Смех С.В. – Так не бывает.

– Согласен, – вздохнул я. – Тут что-то не так.

– А вы кто?

– Платон Скарабеев. Хозяин квартиры.

– Ага! – обнаружила логику старший менеджер. – В квартире прописана только гражданка Алиса Скарабеева, а вот муж ее, извините, умер. Поэтому он выписан. И платить за него не надо. Вы ей кто будете?

– Муж.

– Ну, вот! А муж как раз и умер.

– Тогда кто же я, по-вашему?

– Трудно сказать, – укоризненно подытожила Смех С.В.

Она встала и пошла к двери, на которой висела табличка, обведенная траурной каймой (видимо, для того, чтобы исключить всякого рода легкомыслие): Копошилко Алмаз Петрович, начальник ЖЭС 117.

Из приоткрытой двери донеслось:

– Алмаз Петрович, тут потеха. Пришел мужчина и говорит, что он муж. А муж умер!

Было слышно солидное, чтобы не сказать гробовое, молчание, изредка прерываемое шелестом страниц. Копошилко не произнес ни единого слова, пока не вник, как следует. А когда вник, указал:

– Разъясните гражданину, как там его, что он больше не жилец. Документы прилагаются.

Старший менеджер попыталась добросовестно разъяснить мне права и обязанности не жильца.

– Подождите, это ведь не смешно! – возразил я в ответ на ее логику.

Я понимал, что лучшим доказательством моего присутствия на этом свете будет убедительная эмоциональная реакция. Но сильно возмущаться почему-то не хотелось.

– А никто и не смешит вас, – без улыбки парировала Смех.

– И что же мне делать?

– Понимаете, по документам вы, если это действительно вы, умерли. Вас нет. Если желаете опять платить за проживание и пользование коммунальными услугами, вам необходимо заново родиться, что ли, документально доказать, что вы есть.

– Но у меня паспорт есть!

– А у нас – копия свидетельства о вашей смерти. Это туз против вашего паспорта-короля!

– Покажите.

– Вот, пожалуйста.

– Да, действительно. Платон Скарабеев. Моего года рождения. И когда я умер, извините за любопытство? 9 мая 2009 г.?

Это был тот самый день, когда Веня привез мне в дар злополучную картину.

– Скорее всего, это мой однофамилец, – невозмутимо сказал я, убеждая уже не столько госпожу Смех, сколько себя.

– Слишком много совпадений: фамилия, имя, год рождения, год смерти...

– Вы хотите сказать, что я на самом деле почил в бозе? С кем же вы тогда разговариваете?

– А вот это мне неизвестно.

Смех поправила очки-телескопы и внимательно всмотрелась в мое лицо, словно отыскивая на нем следы относительно давней смерти.

– Хорошо. Где находится моя могила? По документам. Где?

– Сначала получите на руки свидетельство о смерти. Там вам скажут, наверное. Примите мои соболезнования.

Вот сова. Смех, да и только. Расскажу Алисе – помрет со смеху.

Но Алиса не торопилась помирать со смеху. Склонность к черному юмору никогда не была сильной ее стороной.

Ей не понравилась эта темная история.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

7.2.

Прогуливался я как-то по знакомым до боли маршрутам ДН. Велосипедные и пешеходные дорожки петляли по кайме леса, и весь этот кучерявый серпантин соответствовал запутанному островному стилю жизни Планеты Плутон. Я так и говорил Алисе: «Пойду, попетляю».

Я подошел уже к самой удаленной от центра точке маршрута (здесь дорожка вклинивается в лес), как вдруг меня догоняет Астролог и почти без акцента повелевает, по-приятельски положив руку мне на плечо:

– Надо бы поговорить, господин Платон. Мы с вами имеем точки соприкосновения...

Он говорил на правильном русском языке, но только каком-то книжном, устаревшем, неживом.

– Терпеть не могу грязного амикашонства, – ответил я.

– А поговорить, тем не менее, есть о чем. На кону большие ставки...

Я продолжал идти не оборачиваясь.

– Хочешь выбраться отсюда на свободу живым и относительно здоровым? – бросил он мне в спину.

– А с чего ты взял, что кто-то ограничивает мою свободу? Почему ты решил, что я здесь не по своей воле?

Он фирменно оскалился.

– Не хочешь – как хочешь. Я полагал, что ты серьезный человек, который серьезно относится к уникальным шансам.

– Я – серьезный человек. Поэтому провокации вениных «шестерок» меня не впечатляют.

– Вот, смотри, – Астролог вытащил из-под полы Марсика. Тот отвел глаза от солнечного света и жалобно мяукнул. Ушки, наполовину белые, были характерной приметой Марсика. Я взял его за левую лапку, тоже наполовину белую...

И похолодел. Так играть с жизнью Босса и с собственной смертью... Да и моей то ли жизнью, то ли смертью...

– И что это доказывает?

– Только то, что смерть Коцея на конце иглы никто не отменял. И этой иглой можешь быть ты.

– Интересно будет послушать, что думает по этому поводу Веня. Мы с ним это непременно обсудим.

Гадкая – до ушей – улыбка вновь изуродовала грушевидное лицо Астролога.

– На понт берешь? Сам прекрасно знаешь: Веня не станет разбираться, кто похитил Марсика. А мне он сейчас верит как никому...

– Хочешь сказать, что ты меня крупно подставил? Детский сад. Через минуту Веня все будет знать о нашем разговоре, да он и сейчас, я уверен, нас слышит.

В ответ Астролог с характерным сочным хрустом, звук которого парализует все живое, оторвал голову Марсика и бросил ее под куст. Тушку аккуратно, чтобы не измазаться, взял за хвост и забросил в траву, в противоположную сторону.

Я ни слова не говоря подбежал к теплому подрагивающему тельцу и проверил (не подвох ли? игра со смертью заволаживала): голова действительно была отъединена от туловища. Примерно так же, как вскоре будет отделена моя голова, если, конечно, все произошедшее на моих глазах было правдой.

– Извольте объясниться, – сказал я, вытирая руки о траву.

– Да что тут объясняться? Босса следует ликвидировать, уж слишком многим он стал поперек пути.

– Поподробнее, если все еще желаете на меня рассчитывать.

– А зачем вам подробнее? Главное – наши интересы пересекаются. Не так ли? Вопрос стоит так: либо мы – либо он. Так? Это и есть гарантия серьезности моих намерений.

– Подробнее – это мое условие. Можете считать это капризом. Как угодно.

– Что вас интересует в первую очередь?

– Ваши мотивы. Зачем вам гибель вашего благодетеля?

– Мой благодетель вырезал всю мою семью. Маму. Папу. Двух, нет, трех сестреночек, хотя тогда они все были старше меня. Я сейчас живу в Венеции, а тогда, много лет тому назад, моя семья эмигрировала в ФРГ. Мы жили на границе с

Чехословакией. Советский спецназ выполнял какое-то особо секретное задание и нас, как невольных свидетелей, вырезали всех, кроме меня. Именно вырезали или передушили, без единого выстрела. Веня отрывал головы девочкам, как я сейчас – его котику. Мне казалось, что я советскому солдату отрываю голову. Я жил ради этой минуты...

– Почему тебя оставили в живых?

– Я, мальчишка, невольно, со смертельного перепугу, спас Вене жизнь. Глаза мои сами округлились от ужаса, когда я увидел, что мой залитый кровью отец вот-вот выстрелит из охотничьего ружья в спину бравому Вене. Это была доля секунды. Но Вене хватило, он отреагировал. Хруст шейных позвонков – и отца моего не стало. А Веня нарушил инструкцию. Он посмотрел на меня. Я сложил руки на груди и закрыл глаза – в знак того, что молю о пощаде и ничего никому не расскажу. Он постоял минутку – и вышел. Именно тогда во мне проснулись мои способности. В 17 лет я сознательно посвятил жизнь поискам Вени.

– Так ты убьешь его? Что говорит тебе твой дар?

– Не знаю.

Я впервые без презрения и раздражения посмотрел на Астролога.

– Почему ты решил обратиться ко мне? Не проще ли самому довершить то, что составляет смысл твоей жизни? Ты забыл, что месть – сладка?

– Я боюсь. У меня трясутся поджилки. Веня кажется мне

неуязвимым. В решающую минуту я опять могу закрыть глаза...

– И ты решил переложить на меня свою миссию, венецианец?

Астролог помолчал. Потом изронил:

– Видишь ли в чем дело... Веня тебя опасается. Нет, не так: он тебя уважительно боится. Смерть от тебя есть поражение для него, а смерть от других – знак непобедимости. А ты тверд, господин Платон.

– Но я вовсе не намерен его убивать! (Я воскликнул так, чтобы слышно было маячившим на опушке дубам, и даже краешку неба.)

– Ну, что ж, значит, я был о тебе лучшего мнения, – тихо произнес Астролог. – Дело не только в том, что Веня зверь и у меня с ним личные счета. Он представляет угрозу всему живому. Тебе совесть позволит оставить в живых палача?

– Как тебе сказать... Это не простой вопрос, – теперь я тоже понизил голос.

– Значит, я в тебе ошибся. Тогда забудь о нашем разговоре, философ Платон.

– Не лукавь, венецианец! Что значит «забудь»? Ты втянул меня в свою историю, сейчас я даже представить не могу, с какой стороны ждать подвоха. Ты столкнул меня с Веней лбами – вот что ты сделал, если говорить прямо.

– Тогда иди и убей гадину.

– Да пошел ты, – сказал я.

За время нашей увлекательной беседы мы набрали в лесу на свежевыкопанную могилу. В землю, очевидно, в изголовье, была воткнута аккуратная табличка с надписью: «Платон». И все.

Я посмотрел на Астролога.

Тот лишь пожал плечами.

Не эта ли, якобы, случайно обнаруженная нами могила была целью нашей неслучайной встречи?

Что произошло? Что они хотели мне внушить?

Когда мы расходились в разные стороны, мне показалось, что за моей спиной жалобно мяукнул Марсик.

Стало не по себе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

8

8.2.

– Знаешь, зачем здесь устроили искусственное озеро, вот это самое Вилейское водохранилище? – спросил как-то у меня г. Гебицит скучным тоном.

– Нет.

– Под ним – центр управления космическим оружием, которое уже создано давным-давно, и у кого кнопка от этих шустрых ракет – неизвестно. Кто-то уже давно контролирует мир, Плато! И не там, на небесах, а здесь, на Земле. Водная поверхность – идеальный отражатель для вражеских радаров. Идеальная маскировка. До поры до времени никто ничего не узнает.

– Бред.

– Все на свете – творение рук человеческих. В смысле Интеллекта. И денег. Думаешь, финансовые кризисы возникают сами по себе? Девяносто восемь семей правят миром. Нами. Мной, суки! Творят всю политику и назначают кумиров. Мы с тобой – ослы, запряженные в чью-то тележку. Тебе кажется это невероятным? Вот тебе всем известные факты. Навскидку, так, первое, что на ум придет. В Лондоне было сек-

ретное метро, где размещалась служба разведки. Скоро, по моим сведениям, оно будет выставлено на продажу и будет распродано по кусочкам. Возможно, мы его и купим. Удобное место... Центр цивилизации. Думаешь, оно просто так нам досталось? Есть люди, которые могут купить и продать все, что душе угодно. В Москве есть специальное метро для членов правительства. Завтра и оно будет нашим. Метро – это хороший плацдарм. По-твоему, и это сказки? Объясни мне, как мистер Путин пришел к власти? А, умник? Почему в России неистребима коррупция? Кто убивает американских президентов? Кто их назначает? Кто такой Бен-Ладен? Почему где-то на Земле холодает, а где-то теплеет? Думаешь, за этими «процессами» не стоят силы? За всем стоят силы. Только никто об этом ничего не знает. Планету Земля населяют кролики. И если не будет рядом удава о девяти головах – кроликам несдобровать. Я тебе больше скажу, открою маленький секрет. России уже нет. Вот мы с тобой сидим, разговариваем на русском языке – а страны России уже нет на завтрашней карте мира. Ее просто вывели из игры и распилили на части. Уже праховые урны истории заготовлены, уже на престижном кладбище цивилизаций есть урна с надписью «Россия». Рядом с Древней Грецией. И Древним Римом. Все дороги ведут в Рим – понял, что это значит? Рим – противоположность понятию мир. Тебя нет, Плато. А ты «личность, личность»... Тличность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.